

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Московского района города Нижнего Новгорода
Центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина
Методико-информационная группа

Пилярская С.М.

«Пушкинские одежды»

*как одевались А.С. Пушкин
и его герои*

литературоведческое исследование

Нижний Новгород

2009 год

Пилярская Стефания Мариановна родилась в 1935 году в Нижнем Новгороде. Окончила химический факультет Политехнического института в 1958 году, вся трудовая жизнь прошла в ЦНИЛХИ (институт лесохимической промышленности). С 1990 года на пенсии. Пушкиным «заболела» с 1949 года, когда в стране праздновали 150-летний юбилей Александра Сергеевича, и мама подарила ей томик Пушкина с надписью «Учись, мой сын, наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни», - слова из «Бориса Годунова». Стала читать книги о Пушкине, собирать свою «пушкиниану». Сейчас в ней около 130-ти книг.

Стефания Мариановна побывала во многих пушкинских местах: Петербурге, Царскосельском Лицее, Пскове, Михайловском, Святогорском монастыре, Кишиневе, Москве, Пятигорске, Кисловодске, Гурзуфе, Бахчисарае, неоднократно бывала в Болдине. Осталась неосуществленная мечта - тверские пушкинские места (Малинники, Павловское, Берново) и Одесса!

В 1999 году, в период празднования 200-летия со дня рождения поэта, участвовала во Всероссийской викторине «Ай да Пушкин», отвечала на ее теле- и радио-вопросы. Финал конкурса проходил в Москве в Останкино, и Стефания Мариановна Пилярская участвовала в нем!!! Многолетняя дружба связывает С.М. Пилярскую с коллективом библиотеки. Она - постоянный участник Пушкинских праздников, выступала на Областной презентации Пушкинских библиотек, была гостьей Пушкинского бала. Стефания Мариановна - член нижегородского Пушкинского клуба.

В период с 2003 по 2007 год было издано три литературоведческих исследования С.М. Пилярской: «Пушкин и цветы», «Лошади в жизни и творчестве А.С. Пушкина», «Пушкинская кулинария» (3 издания).

Имя С.М. Пилярской занесено в «Нижегородскую книгу рекордов и достижений (Издательство «КВАРЦ») под грифом «народный пушкинист». Данное издание – четвертый опыт сотрудничества автора и ЦРБ им. А.С. Пушкина. Презентация исследования «Как одевались А.С. Пушкин и его герои» состоялось 5 июня 2008 года на 16-м Пушкинском празднике.

Пилярская С.М.

«Пушкинские одежды» : как одевались А.С. Пушкин и его герои : литературоведческое исследование / отв. за выпуск В.В. Страхова, технич. ред. В.В. Страхова. – Н.Новгород: МУ «ЦБС» Московского района; ЦРБ им. А.С. Пушкина, 2009. – 45 с.

Эта работа посвящена А.С. Пушкину. Из его автобиографических записок, дневников, писем, из воспоминаний современников, я собрала сведения об одежде; об отношении Александра Сергеевича к моде своего времени; о впечатлении, которое Пушкин производил своим костюмом на людей при их знакомстве; об интересных случаях из жизни Пушкина, связанных с одеждой - порой смешных, порой печальных, а иногда и трагических.

Глядя на прижизненные портреты и автопортреты Пушкина, можно увидеть не только черты его лица, но и его костюм, детали, аксессуары пушкинской одежды, понять, как они помогали замыслу художников в создании образа поэта.

В произведениях А.С. Пушкина одежда его героев тоже говорит нам немало, она дополняет описание характеров, показывает отношение автора к героям; кроме того, можно узнать о моде того времени, когда они жили.

А.С.Пушкину, описывая наряд Онегина, приходилось пользоваться словарем Академии Российской, как он сам признавался, безрезультатно, ведь в этом словаре были только значения русских слов.

В 1803 году в Санкт-Петербурге вышел толковый словарь иностранных слов «Новый толкователь» Н.Яновского, слова в котором были расположены по алфавиту, и такие слова, как «панталоны», «фрак», «жилет», которых Пушкин не нашел в «Академическом словаре», в словарь Яновского вошли. Современный читатель прекрасно понимает значение этих слов, а вот названия старинной русской и давно вышедшей из моды одежды, старинных материй, не изготавливаемых в наше время, забыты. И те слова, значения которых были понятны Пушкину и его читателям, нам уже неясны, даже названия, понятные несколько лет назад каждому, нам мало что говорят сейчас. Время меняет быт, нравы, моду и, конечно же, одежду людей.

Так что и мне пришлось нередко «заглядывать» в толковые словари русского языка В.И. Даля и С.И. Ожегова.

Одевали Пушкина в детстве, конечно, так, как всех малолетних дворян. Одежда маленького Саши... Вовремя не снятый головной убор однажды был причиной недовольствия Императора Павла I. Вот как сам Александр Сергеевич писал об этом жене 22 апреля 1834 года: «Видел я трех царей. Первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку». Известно, что семья Пушкиных с августа 1799 года жила в Михайловском, затем осенью – в Петербурге, и в конце 1800 г. уехала. Коронация Павла I проходила в Москве в 1797 году, то есть до рождения будущего поэта. После Царь в Первопрестольной не бывал. Убит он был в марте 1801 года. Встреча Пушкина с Павлом I могла состояться только глубокой осенью 1800 г., скорее всего, в Юсуповском саду. Нарушителю указа Павла I о том, что все его подданные мужского рода обязаны снимать при его появлении головные уборы, было полтора года.

Портрет А.С. Пушкина в раннем детстве, где будущему поэту 2-3 года, - миниатюра неизвестного художника, скорее всего крепостного.

Белый воротничок такой трогательной рубашечки, сползшей с одного плечика маленького мальчика, отделан узким кружевом, - вот такая одежда ребенка. Этот портрет после его атрибуции стал известен только в 60-е годы 20-го столетия.

По воспоминаниям сестры поэта Ольги Сергеевны, Пушкин в детстве часто терял носовые платки. Чтоб отучить его от этого, мать Надежда Осиповна придумала такой способ: «Жалую тебя моим бессменным адъютантом», - сказала она сыну, подавая ему курточку. На курточке красовался пришитый в виде аксельбанта носовой платок.

Аксельбанты менялись в неделю два раза, в таком виде она заставляла сына выходить к гостям. Способ оказался действенным, ребенку запомнился, платки больше не терялись».

Но этот способ воспитания, думаю, не прибавил в Саше сыновней любви.

Аксельбант – немецкое слово – «плечо и лента» - наплечный, нитяной плетеный шнур – золотой, серебряный или цветной с металлическими наконечниками; в армии – принадлежность мундиров адъютантов, офицеров генерального штаба и жандармов. Е.П. Яньковская, московская хорошая знакомая семьи Пушкиных, вспоминала, что за его внешний вид Пушкину - ребенку часто доставалось от матери. «Тогда глядел он рохлей и замарашкой. На нем всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно». (Думаю, что в этом был виноват не столько ребенок, сколько взрослые – и няни, и мать).

Детство осталось позади – 1811 год, октябрь, начало новой жизни, Пушкин стал лицеистом. А началась новая жизнь со снятия ему мерок, ведь лицейские мундиры шились индивидуально для каждого воспитанника. Одежда лицеистов была двух видов: праздничная и будничная (с течением времени и в ту, и в другую вносились изменения). Однокашники Пушкина И.И. Пущин и М.А. Корф оставили воспоминания о своих лицейских одеяниях. Для праздничных дней одежда была очень нарядная. В начале лицеистам сшили прекрасные синие мундиры из тонкого сукна с красным воротником, шитым петлицами: серебряными в первом курсе, золотыми – во втором; белый пикейный жилет, белые панталоны в обтяжку. Предусматривался белый галстук, ботфорты, для улицы – треугольная шляпа.

Ботфорты – высокие сапоги с раструбами вверху.

Петлица – в данном случае – цветная, обычно продольная нашивка, - знак различия на воротниках форменной одежды.

Опушка – обшивка по краю одежды.

Панталоны – мужские длинные брюки.

Пике – вид ткани в рубчик.

Постепенно этот наряд, очень стеснительный для подростков, упрощался: отменили ботфорты; белые панталоны и жилеты были заменены серыми брюками и синими жилетами. Фуражка вытеснила шляпы (пуховые – круглую и треугольную). По будням одежда была проще: синий двубортный форменный сюртук с красным воротником, по краям обшлага с красною выпушкой; пуговицы на сюртуке гладкие, позолоченные; синий суконный жилет и прямые длинные, так же из синего сукна, брюки.

Сюртук – длинный двубортный пиджак, обычно в талию.

С 1812 года форменные сюртуки стали шить серыми, на что лицеисты очень обижались, потому что такая же форма была и у малолетних придворных певчих вне службы, поэтому снова ввели для будней синие форменные сюртуки.

Осенью того же 1812 года, опасаясь наступления французов на Петербург, планировалось перевести Лицей в Архангельск или Петрозаводск. Как вспоминал М.А. Корф «нас стали собирать в поход. Явился портной примерять нам китайчатые тулупы на овечьем меху». К счастью, лицеистам они негодились.

Китайчатые – крытые китайкой, плотной хлопчатобумажной тканью.

Зимой лицеисты носили шинели из серого сукна с красною петлицей на воротнике, синюю фуражку с красною по обеим сторонам опушкою и с лакированным козырьком, и обязательно варежки, которые осенью заменялись перчатками. Для лета каждому лицеисту полагалось две куртки со светлыми (из бланжевой фуфайки) панталонами.

Бланжевый – телесный цвет.

Фуфайка – вид ткани.

В гардероб лицеиста входила обувь: полусапожки, башмаки и галоши. Были предусмотрены и ночные хлопчатобумажные чепчики. Белье нательное меняли два раза в неделю. На белье у каждого воспитанника была своя метка – номер комнаты и фамилия.

Как видим, одежда воспитанников Лицея была очень разнообразной и тщательно продуманной.

Желчный Модест Корф (недаром его лицейское прозвище было «мордан» - в переводе с французского «язва»; как позднее про него говорили, что «он обмакивает свое перо в слишком черные чернила») и в описании одежды лицеистов был, по-моему, очень строг и несправедлив. Он вспоминал: «казенное платье было так плохо и шилось на такие долгие сроки, что все, кому сколько-нибудь позволяли средства, имели свое, прочие же в дворцовую церковь являлись в заплатках». (Неужели, к «прочим» относился и Пушкин? Родные за все годы в Лицее посетили его более ста раз, но неизвестно, привозили ли ему что-то из одежды?).

В Лицее, предположительно учителем рисования С.Г. Чирковым, примерно в 1815 году сделан портрет юного Пушкина. Странную одежду лицеиста: ночную рубашку и халат, объясняет то обстоятельство, что он зарисован в лазарете во время болезни.

В 1817 году Пушкин окончил Лицей и, наконец, оказался на свободе, в Петербурге. Какую же моду на мужскую одежду застал молодой поэт в столице? Конечно, были отменены все запреты Павла I. Снова стали модными большие башмаки с пряжками. Фраки, панталоны и жилеты вернулись в гардероб дворян, как и круглые шляпы. Павел I считал их символами идей, заимствованных у революционной Франции. П.Вяземский вспоминал о том, что в это время перестали носить короткие штаны и сапоги поверх узких в обтяжку панталон, а введены были в употребление широкие панталоны сверх сапогов или с башмаками – на балах. «Великолепный узел черного атласного галстука прилагал к высокой груди».

Когда Пушкин писал в «Евгении Онегине»: «Но панталоны, фрак, жилет, Всех этих слов на русском нет», вся эта одежда была в России начала XIX века относительно новым видом.

Родина фрака – Англия, он ведет свое происхождение от военной формы XVIII века. При верховой езде для удобства кавалеристы отгибали передние полы мундиров. Подражая военным, штатские начали носить кафтаны с обрезанными полами и фалдами («Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем». Грибоедов А.С. «Горе от ума»). Так появился фрак. Отличительной особенностью его было отсутствие украшений и стояче-отложной воротничок. Из Англии фрак перебрался в Америку, и Вениамин Франклин, американский посол во Франции, поразил в 1776 году парижан своим черным фраком.

К концу XVIII века фрак получил гражданство во всех европейских странах, в том числе и в России. Предназначенный первоначально для верховой езды, он превратился в одежду для салонов и балов, для торжественных случаев и официальных церемоний.

Фрак. Рисунок из журнала «Московский телеграф» за 1828 г. №20.

В повести «Метель» Пушкин так использует этот элемент мужского штатского костюма: после победного окончания войны 12-го года «с появлением в уездах и деревнях офицера, любовнику во фраке плохо было в соседстве».

Название нижней части мужского костюма – длинных штанов панталон происходит от имени собственного – персонажа итальянской комедии масок Панталоне, который был одет в прямые и широкие штаны, доходящие до середины икры. Итальянская труппа гастролировала во Франции в первой половине XVII века. Французам понравилось все – и игра актеров, и костюмы. В зависимости от моды панталоны были широкими, узкими, чуть длиннее, чуть короче. Придя из итальянской комедии масок, панталоны как предмет костюма родились во Франции.

На жилет очень похожа старинная часть мужского костюма – камзол: более длинный, чем жилет, тоже без рукавов, надевался под верхнюю одежду с рукавами.

Позднее, примерно в 1834-1835 годах Пушкин начал писать повесть, но не кончил. Редакторы при издании назвали ее «Марья Шонинг». В ней было написано, что баковый камзол покойного старого Шонинга, отца Марьи, был продан на аукционе за долги за три талера.

Жилеты, хотя и были известны в XVIII веке, как и фраки, подверглись гонению при Павле I. Он говорил, что именно жилеты совершили французскую революцию.

В сезон 1819-1820 годов в моде были жилеты, о которых хлопотал А.И. Тургенев, писавший в Варшаву Вяземскому: «Здесь никак нельзя достать черного полосатого бархата, из коего делают жилеты и какой ты мог видеть и у брата, а в Варшаве, сказывают, есть. Пришли мне на один жилет пощеголеватее». А, получив (вероятно, не на один жилет), уведомлял с удовольствием: «Весь пост и здесь, и в Москве буду щеголять в твоих жилетах».

В «Евгении Онегине» Пушкин еще раз упоминает жилет, говоря о золотой московской молодежи в Дворянском собрании:

«Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет».

Как своеобразно эту деталь костюма использует Пушкин, чтоб сказать в стихотворении 1817 года, что его независимость, даже своеволие, возможность нестандартного поведения, дороже всякой службы:

«... Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет».

(«К товарищам»)

По воспоминаниям А.О. Смирновой, когда она училась в Екатерининском институте, преподавателем русской словесности был П.А. Плетнев. Она рассказывала Пушкину, что Плетнев на уроке читал «Евгения Онегина», но когда он прочитал **«панталоны, фрак, жилет»**, ученицы сочли это неприемлемым и сказали: «Какой, однако, Пушкин нескромный и даже непристойный». Пушкин разразился громким веселым смехом, свойственным только ему». Это было позже, в 1830-х годах.

Почти не сохранилось описание внешности Пушкина петербургского периода 1817-1820 годов. *Но есть его автопортрет 1817-1818 годов – «Автопортрет в круге», - самый ранний автопортрет А.С. Пушкина*, где он тщательно прочертил и голову, и туловище, и детали костюма – сюртук и высокий шейный платок.

«... Очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с арабским профилем, во фраке», - таким увидел Пушкина в 1820 году еще не знакомый с ним тогда известный писатель И.И. Лажечников.

А.И. Тургенев, друг Пушкина, в то время был еще молодой мужчина (36 лет). Понятно, что ему – богатому жителю столицы хотелось «пощеголять» и модными обновками, и он мог легко себе это позволить.

А как же этого хотелось 18-летнему Пушкину после шести лет казенной одежды! Конечно, он просто жаждал быть одетым по самой последней моде, но ему это было нелегко! Вот что рассказывал С.А. Соболевский в своих воспоминаниях после выпуска из Лицея: «Пушкину приходилось упрашивать отца, чтоб ему купили бывшие тогда в моде большие башмаки с пряжками, и Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен Павловских».

А вот слова М. Корфа – соседа по дому в Коломне, у Калинкина моста, где жил у родителей после Лицея Пушкин: «Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака». Воспоминания В.А. Эртеля – переводчика и молодого писателя относятся к 1819 году, когда Дельвиг и Баратынский привели его познакомиться с Пушкиным в квартиру родителей поэта: «Мы вступили в комнату Пушкина. У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате и ермолке (голова Пушкина во время болезни была выбрита наголо). Возле постели на столе лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого. Пушкин продолжал писать еще несколько минут, а затем поздоровался с гостями».

«Ермолка – круглая мягкая шапочка, вплотную к голове, без околыша или какой прибавки» (В.И. Даль).

Много позже, незадолго до трагической дуэли Пушкина посетил в его кабинете начинающий поэт Облачкин, и вот какие воспоминания оставил он: «Сам поэт сидел в уголку в покойном кресле. На Пушкине был старенький дешевый халат, каким обыкновенно торгуют Бухары вразноску». Я думаю, как раз дешевизной и привлекали его бухарские халаты.

Халат – домашняя одежда, запахивающаяся или застегивающаяся снизу доверху. Мужчины, как привило, надевали его наверх панталон и рубашки.

Халатам вообще повезло: среди пушкинской одежды он упоминается часто. Как утреннее домашнее платье поэт его любил.

Н.А. Полевой – критик и журналист, брат издателя «Московского телеграфа», заехав к Пушкину утром (осенью 1826 года) в гостиницу на Тверской, «застал его, как обыкновенно заставал потом утром в Москве и в Петербурге, в татарском серебряном халате, с голой грудью».

И в жаркое лето 1831 года, в Царском Селе в доме Китаевой, молодой гусар граф А.В. Васильев, войдя к Пушкину в кабинет, застал поэта за письменным столом в халате, но без сорочки (так он привык «живучи на юге»).

В другой раз П.И. Бартнев тоже в очень жаркий день в кабинете поэта увидел его чуть не в прародительском костюме: «Ну уж извините, - засмеялся поэт, - жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах» (П.К. Мартынов со слов графа Васильева).

В письме Наталье Николаевне 17 апреля 1834 года в Москву Пушкин сообщает: «Тетка (Екатерина Ивановна Загряжская) приехала спросить о тебе и, узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне».

Семейное предание Языковых гласит, что после посещения мест, связанных с восстанием Пугачева, по дороге в Болдино 29 сентября 1833 года, Пушкин во второй раз (в первый – 12-го сентября) заехал в имение Языковых, – это 65 верст от Симбирска, - и застал братьев Языковых, одетых по домашнему, в халатах, «... пристыдил их и разбранил за азиатские привычки».

Для мужчин было позволительно принимать гостей - мужчин в халате, если качество ткани и его отделка соответствовали представлению о нарядной одежде. Обычай принимать гостей в «парадном неглиже» появился в России в XVIII веке вместе с французской модой.

Пушкин осуждающе и с иронией говорит о Дмитрие Ларине, который по лености все хозяйство отдал в руки жены:

«В ее затеи не входил,

Во всем ей веровал беспечно,

А сам в халате ел и пил...».

В письме Наталье Николаевне от 11 июня 1834 года в Полотняный Завод, отвечая на ревнивые укоры жены о каких-то его встречах в Летнем саду, Пушкин пишет: «Нашла за что браниться!.. за Летний сад! Да ведь Летний сад-то – мой огород. Я вставши со сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома».

Квартира Пушкина на Пантелеймоновской улице в доме Оливье была очень близко от Летнего сада. Но слова Пушкина, по-моему, не надо понимать буквально, в халате и домашних туфлях он, я думаю, туда не ходил.

Вероятно, он лукавит Наталье Николаевне, усыпляет ее ревнивые чувства. В письме матери поэта Надежда Осиповна сообщает дочери Ольге, что Пушкин часто гуляет в Летнем саду с Елизаветой Михайловной Хитрово. Об этих встречах, вероятно, и узнала Наталья Николаевна.

Но вернемся в 1820 год. 6 мая он уезжает на Юг для исправления на службу к генералу И.Н.Инзову в Екатеринославль.

И.И. Пущин, проезжая через почтовую станцию перед Екатеринославлем, узнал, что накануне здесь останавливался А.С. Пушкин. Смотритель так описал «ехавшего на Юг на службу Пушкина»: «в красной рубашке, в опояске, в поярковой шляпе – время было очень жаркое».

Поярковая – из поярка, шерсти ярки (молодой овцы) по первой осени, т.е. шерсти первой стрижки (В.И. Даль).

И позже Пушкин иногда, и главным образом в дороге, пользовался таким костюмом.

А в Екатеринославле Пушкин устроил немислимый маскарад: на званом обеде у губернатора, устроенном в честь уже известного поэта, многочисленные гости (по воспоминанию одного) были в большом замешательстве, вернее в шоке, от необыкновенно эксцентричного пушкинского костюма: «он был в кисейных панталонах, прозрачных, без всякого исподнего белья». Жена губернатора, чрезвычайно близорукая, решила, что на Пушкине летние панталоны телесного цвета, но с помощью лорнета «удостоверилась в горькой истине и немедленно выпроводила дочерей из комнаты. Хотя все были возмущены и сконфужены, но старались сделать вид, что ничего не замечают, хозяева промолчали, и Пушкину его проделка сошла благополучно».

Кисея – прозрачная тонкая ткань.

Я думаю, повзрослев и помудрев, Пушкин раскаивался в этой какой-то детско-озорной шутке. Наверное, это был своеобразный протест против воли властей, удаливших его из милого сердцу Петербурга, а может и желание показать пренебрежение столичного жителя к провинциальному обществу. В Петербургском высшем свете он бы, конечно, такого не сделал.

Впечатление от внешнего вида Пушкина при знакомстве в нем в Кишиневском театре в начале ноября 1820 года оставил в воспоминаниях В.П. Горчаков, офицер штаба генерала М.Ф. Орлова, один из ближайших впоследствии друзей поэта в Кишиневе. В свою очередь Пушкин отдавал должное уму, литературному вкусу и критическим справедливым замечаниям В.П. Горчакова к поэме «Кавказский пленник».

Вот это воспоминание: «Мое внимание обратил молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым наблюдательным взором, необыкновенно живой. Черты лица его были неправильны и некрасивы, но выражение думы увлекательно. Одежду незнакомца составляли черный фрак, застегнутый на все пуговицы и такого же цвета шаровары. Я узнал, что это Пушкин. В разговоре с дамой Пушкин беспрерывно краснел и смеялся, прекрасные его зубы выказывались во всем своем блеске, улыбка не гасла».

Шаровары – татарские широкие штаны, собранные в сборку у щиколоток.

Со слов одного кишиневского старожилы записано о том, что «Пушкин на многолюдной улице города часто появлялся в самых разнообразных и оригинальных костюмах. То, бывало, появляется он в костюме турка – в широчайших шароварах, в сандалиях и с феской на голове, важно покуривая трубку, то появится греком, евреем, цыганом и т.п.». «Вот уж смотри, - Пушкин серб или молдаванин. Молдаване тогда рясы носили. В другой раз он турок, жид и разговаривает также, а одежду ему давали знакомые дамы», - это воспоминание другого жителя Кишинева. Как видим, Пушкин бывал лицедеем, устраивал спектакли на улице.

Феска (название от города Фес в Марокко) – шапочка в виде усеченного конуса с кисточкой, из шерсти или фетра, чаще красного цвета, мужской головной убор в некоторых странах Ближнего Востока, Албании, Греции, у россиян – домашний головной убор молодых мужчин вместе с ермолкой.

А.Вульф написал в своем дневнике в сентябре 1827 года, что увидел Пушкина в Михайловском доме, куда он приехал недавно из Петербурга, за рабочим столом в «...молдавской красной шапочке и халате». Возможно, это и была шапочка, привезенная в Михайловское с Юга в 1825 году.

А гусар Минский, когда его увидел Самсон Вырин в Петербурге, одет был дома в халат и «красную скуфью» («Станционный смотритель»).

Скуфья – мягкая домашняя шапочка, а также головной убор белого духовенства, т.е. не монашествующего (В.И. Даль).

Ряса – длинная одежда с широкими рукавами, чаще всего православных священнослужителей.

«А когда он гулял в обыкновенном виде в шинели, то уж непременно одна пола на плече, а другая тянется по земле. Это он называл: по-генеральски. Он с Кишиневым не церемонился и на улице появлялся в пестром архалуке», - это воспоминание еще одного кишиневского жителя. Конечно, появляться в домашней одежде на улице действительно – неуважение к городу и горожанам.

О домашнем «костюме» поэта у И.Н. Инзова рассказывал живущий у него в услужении человек: «Летом он разоблачался совершенно и писал и читал стихи в своей комнате во всей наготе своего натурального образа.

Зимой по утрам приказывал вытопить хорошенько печь и ходил по комнате, шлепая турецкими туфлями. Походит, походит, затем присядет, попишет немного и опять начинает ходить».

«Выдержав не одну горячку, Пушкин не один раз брил себе голову, не желая носить парик (да к тому же в Кишиневе и сделать его было некому) он заменил парик молдавской шапочкой, ермолкой или феской, и так являлся в обществе».

«Славный стихами, страшный дерзостью и эпиграммами, своевольный, непослушный, и еще в ермолке – он производил фурор».

«Когда волосы у него отрастали, то с длинными волосами, он носил фуражку», - так вспоминали Пушкина очевидцы, жившие с ним в одно время в Кишиневе.

Постоянные ухаживания Пушкина за молдаванками вынуждали родителей и женихов жаловаться Инзову на его ветреного чиновника. Инзов должен был наказывать поэта хотя бы для виду, чтоб жалобщики не роптали. Наказание, как обычно, заключалось в том, что Инзов оставлял Пушкина без сапог. Такого рода наказание давало повод некоторым смельчакам из молдаван грозить: «Смотри куконаш Пушка (паныч Пушкин) будешь сидеть без сапог!»

Пушкину, конечно, повезло с таким нестрогим начальником. И.Н. Инзов был вообще очень добрым человеком, а к Пушкину - особенно заботливым. Он с большим сочувствием относился к своему подчиненному, по-отечески, по-моему. Он просто жалел его. О Пушкине Инзов заботился деликатно и неназойливо. Видя бедственное положение молодого человека, не имеющего ни жалованья, ни других доходов, не получающего из дома ни копейки денег, предоставил ему и кров, и стол. В секретном письме в Петербург 28 апреля 1821 года к своему начальнику А.И. Кападистрии Инзов давал Пушкину хорошую характеристику и по службе, и по поведению. «Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов, отнимаю способы к праздности».

Кроме того, Инзов счел нужным напомнить, что «в бытность в столице, Пушкин пользовался от казны жалованьем 700 рублей в год; но теперь не получал сего содержания, не имел пособия от родителя при всем возможном от меня вспомоществовании терпит, однако ж, иногда недостаток в приличном одеянии. По сему уважению я долгом считаю покорнейше просить распоряжения вашего к назначению ему отпуска в С.-Петербурге». (Вследствие этого письма Инзова жалованье Пушкину было выслано и высылалось впоследствии до самого исключения Пушкина из службы и высылки его из Одессы).

Я думаю, Пушкин никогда не узнал об этом письме, но очень был рад этим деньгам, не догадываясь о причине их выплаты.

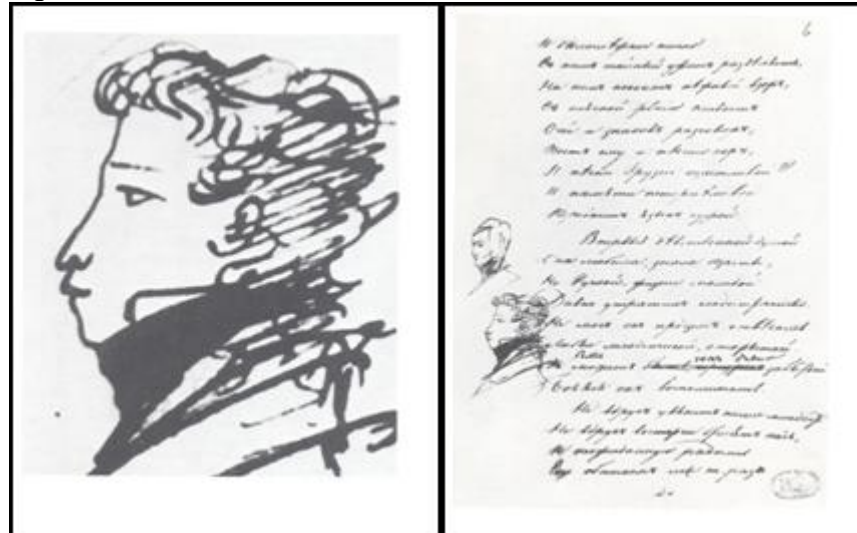
Первым изображением А.С.Пушкина, которое увидели читатели – современники, была гравюра Е.И. Гейтмана для первого издания поэмы «Кавказский пленник», выполненная предположительно с лицейского рисунка Чиркова.

Как видим, Гейтман на гравюре изменил одежду Пушкина, она байронизирована, рубашка не ночная, халат заменен эффектно накинутым плащом, как на портретах Байрона.

Пушкин был против помещения этой гравюры в книгу, ведь двадцатитрехлетний поэт впервые представлялся публике в виде отрока в детской рубашке, опирающимся на кулачок.

Но Пушкина в это время в Петербурге не было, и единственным его портретом был рисунок Чиркова (13 мая 1823 года, отвечая Н.И. Гнедичу, просившему прислать портрет поэта для второго издания «Кавказского пленника», Пушкин написал: «Своего портрета у меня нет – да на кой черт иметь его»).

А между тем на рукописи этой поэмы 1821 года есть автопортрет Пушкина, где он изобразил себя в модном сюртуке, в манишке с высоким стоячим воротничком, обвязанным черным шейным платком с длинными до плеч вьющимися волосами.

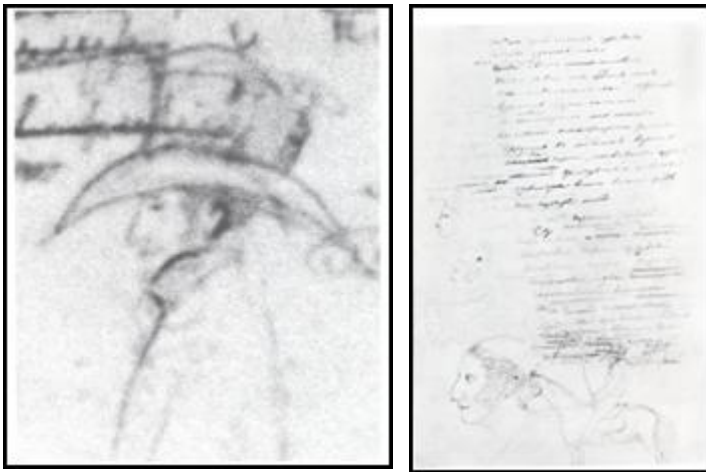
На автоиллюстрации к I-ой главе романа «Евгений Онегин», оконченной в Одессе в конце 1823 года, в письме к брату в ноябре 1824 года Пушкин изобразил себя облокотившимся одной рукой на парапет набережной Невы рядом с Онегиным. А вот комментарии в романе к этой «картинке»:

«...уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.
С душой полной сожалений,
И опершись на гранит
Стоял задумчиво Евгений...».

Пушкин в сюртуке с узкой талией и расклешенными полами, в круглой шляпе, из-под которой спускаются локоны волос ниже плеч. Внизу надпись «хорош».

Онегин имеет облик франта: он во фраке с высоким воротником, с высоким воротником манишке, в шляпе с расширяющейся вверху тульей, с большими полями, загнутыми с боков и несколько опущенными спереди и сзади по моде конца 1810-х – начала 1820-х годов – боливаре.

Боливар – широкополая шляпа с высокой расширяющейся кверху тульей, такой ширины, что не сняв ее, трудно было пройти в узкую дверь. Получила название в честь Симона Боливар (1783-1830), одного из вождей освободительного движения Южной Америки от испанского ига. Этот головной убор указывает на определенные общественные либеральные настроения его владельца. Шляпа была в моде среди дворян в конце 10-х – начале 20-х годов 19 века, сочувствующих освободительному движению. Носил боливар и Пушкин.

В нем изобразил себя на полях черновика рукописи 5-ой главы «Евгения Онегина» на лошади с саблей в руках в 1826 году.

А Онегин, «надев широкий боливар», гулял в нем по бульварам. 21 июля 1823 года Пушкин был зачислен на службу в канцелярию графа М.С. Воронцова и переезжает из Кишинева в Одессу. В Одессе по улице Пушкин ходил в черном сюртуке и фуражке или черной шляпе, сюртук его был всегда застегнут, и из-за галстука не было видно воротничков рубашки (так как у Пушкина вопреки моде воротнички были загнуты вниз), с железной палицей в руке. Вот какие тонкости в костюме Пушкина были подмечены одесситами. Казино посещал он в кишиневском архалуке и феске. Все эти сведения записаны К.П. Зеленецким (с 1837 г. – профессор Ришельевского лицея) со слов одесских сторожил, лично знавших Пушкина в Одессе.

О посещении Пушкиным Ришельевского лицея и о встрече с ним рассказал воспитанник этого лицея А. Сумароков: «В 1824 году в июле месяце, во время каникул, отправился я в свой класс, чтоб секретно прочесть принесенную с собой поэму Пушкина «Руслан и Людмила». В это время входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости. Я привстал, он мне поклонился и сел на край ученической парты. «Я когда-то тоже сидел на такой скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни», - сказал господин, - «Как ваша фамилия? – Сумароков. – Славная фамилия. – Читали вы Пушкина? – Нет. Нам запрещено читать его произведения. – Видели вы Пушкина? – Нет. – Желали бы его видеть? – Я простодушно отвечал, что, конечно, делал бы. О нем много говорят в городе. Он усмехнулся и сказал – Я Пушкин, прощайте».

На Масленицу 1824 года граф Воронцов устраивал у себя маскарад, приглашенным оговаривалось условие обязательно быть в масках и костюмах, впрочем, как на все маскарады и в Петербурге, и в Москве. Известно, что Пушкин был участником этого маскарада, одетым в домино и маске.

Домино – маскарадный костюм в виде плаща с рукавами и капюшоном.

Маскарады в России проходили обычно со Святков (православные праздничные дни от Рождества до Крещения) до Великого поста, включая и неделю на Масленице.

Обычай встречать Новый год в публичном маскараде был распространен во времена Елизаветы Петровны и Екатерины II, причем со сменой полов, ведь эти императрицы прекрасно выглядели в мужском наряде. Пушкин в романе «Евгений Онегин» вспоминает прекрасных женщин в мужских маскарадных костюмах, и его герой, тщательно одевшись, выходит из своей уборной:

«Подобно ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд
Богиня едет в маскарад».

На черновиках рукописи 2-ой главы «Евгения Онегина» (ноябрь 1823 года), написанных в Одессе, видим прекрасные автопортреты Пушкина с аккуратной прической, в сюртуке с большим воротником, в черном шейном платке, над которым виден конец белого воротничка рубашки.

30 июля 1824 года он покидает Одессу и направляется на место новой ссылки в Михайловское.

Встреча А.И. Подолинского, – популярного в конце 1820-х – 1830-е годы поэта, имевшего шумный читательский успех, - 4 августа 1824 года ехавшего через Чернигов в Михайловское с Пушкиным, оставила в памяти яркий след. После выпуска из Петербургского университетского пансиона Подолинский ехал к родным в Киев. Вот его воспоминания: «В Чернигове мы ночевали в какой-то гостинице. Утром, войдя в залу, я увидел в соседней, буфетной комнате шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого, по месту прогулки и по костюму, принял за полового. Наряд его был очень непредставительный: желтые нанковые, небрежно надетые шаровары и русская цветная измятая рубаха, подвязанная вытертым черным шейным платком, курчавые довольно длинные и густые волосы развевались в беспорядке. Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: «Вы из Царскосельского лицея?» На мне еще был казенный сюртук, по форме одинаковый с лицейским. Сочтя любопытство полового неуместным, и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо.

- А! Так вы были вместе с моим братом, - возразил собеседник.

Это меня озадачило, и я уже вежливо просил собеседника назвать мне свою фамилию.

- Я Пушкин; брат мой Лев был в вашем пансионе.

Слава Пушкина светила тогда в полном блеске, вся молодежь благоговела перед этим именем, и легко можно было представить как я, семнадцатилетний школьник, был обрадован неожиданною встречей и сконфужен моею опрометчивостью».

Нанковые – из нанки – хлопчатобумажной ткани из толстой пряжи, обычно желтого цвета.

Пушкин продолжал удивлять людей своей необычной одеждой, что его мало беспокоило: в таком дорожном костюме, в жаркое время ему было удобно.

6 августа 1824 года в Могилеве по пути в Михайловское Пушкин так же случайно встретился с А. Распоповым – племянником директора Царскосельского Лицея Е.А. Энгельгардта, в доме которого встречался с ним во время учебы в Лицее, офицером Лубянского гусарского полка, которого поразила одеждой. Об этом Распопов написал в заметке «Встреча с Пушкиным в Могилеве»: «По улице проезжала на почтовых коляска, впереди шел кто-то в офицерской фуражке, шинели внакидку, в красной шелковой рубашке. Коляска повернула на почту. Я немедленно поспешил вослед. Смотритель сказал мне, что едет из Одессы коллежский асессор Пушкин».

А.А. Куцинский в 1824 году молодым корнетом находился в Могилеве на Днепре в учебном эскадроне. Как он пишет (наверное, дату со временем несколько забыл), «5 августа он вышел погулять и увидел: по улице расхаживает кто-то в виде кучеренка, в русской рубашке, высоких сапогах и ермолке, а поверх всего военная шинель. Появление незнакомца возбудило любопытство, и Куцинский отправился на почтовую станцию и в книге с подорожными прочел: коллежский секретарь Александр Пушкин». Это записал П.И. Бартенев со слов генерала А.А. Куцинского в 1900 году.

Как видно, встречи А. Распопова и А. Куцинского с Пушкиным произошли в один день. Расхождение только в головном уборе последнего. Возможно, приехав на станцию, Пушкин фуражку поменял на ермолку.

9 августа 1824 года Пушкин прибыл в Михайловское, где прожил больше 2-х лет. Здесь 11 января 1825 года ранним утром Пушкина ожидала большая радость: поэта навестил его «первый друг, друг бесценный» И.И. Пущин, который в своих воспоминаниях пишет об этой встрече: «Не было силы остановить лошадей у крыльца – протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора... Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина (он услышал звон колокольчиков), босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками... Выскакиваю из саней,

беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал о заиндевевшей шубе и шапке. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один – почти голый, другой весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза (она и теперь, через 33 года мешает писать), мы очнулись...» Это была последняя встреча друзей в их жизни.

Дочь священника церкви в селе Воронич (вблизи Тригорского) Иллариона Раевского (по прозвищу «шкода») Акулина Илларионовна на вопрос И.Л. Щеглова, как одевался Пушкин в Михайловском, ответила: «Как был одет? Обыкновенно как, по-настоящему, по-барскому: брюки в одну полоску, завсегда во фраке и ногти большие пребольшие. Помню его: приезжал на красивой высокой лошади и был он во фраке с хвостом и под шеей широкий белый галстух-платок. Чаще всего я видела его даже в лесу – все во фраке с хвостом, да в широком белом галстухе».

А вот голос соседа и приятеля, очень близко знавшего Пушкина во время его жизни в Михайловском, А.Н. Вульфа: «Одевался Пушкин, хотя по видимому, и небрежно, подражая и в этом, как и во многом другом, прототипу своему – Байрону, но эта небрежность была кажущаяся: Пушкин относительно туалета был весьма щепетилен. Я где-то читал, что в деревне Пушкин ходил все в крестьянском платье. Совершеннейший вздор! Пушкин не изменял обыкновенному светскому костюму. Всего только раз, заметьте себе – раз, во все пребывание в деревне, и именно – в девятую пятницу после пасхи 1825 года, Пушкин вышел на Святогорскую ярмарку в русской красной рубахе подпоясанной ремнем, с палкой и в шляпе, привезенной еще из Одессы. Весь новоржевский бомонд, съезжавшийся на эту ярмарку закупать чай, сахар, вино, увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализован». (А.Н. Вульф. «Рассказы о Пушкине»). Привезенная из Одессы шляпа, возможно, та, о которой писал Н. Языков в стихотворении о посещении Пушкиным Тригорского летом 1826 года:

«На вороном аргамеке,
Заморской шляпою покрытый,
Вольтер, и Гете, и Россин,
Являлся Пушкин знаменитый!»

В воспоминаниях домочадцев Тригорского тоже говорится, наверное, об этой шляпе: «В Тригорском показывался Пушкин часто пешком в шляпе с большими полями и с толстой палкой в руке». «Когда Псковский архиепископ Евгений посетил Святогорский монастырь, к нему внезапно явился с ярмарки Пушкин в одежде русского мужика, чем очень удивил преосвященного», - так записал П.В. Кириевский – литератор, собиратель русских народных песен.

Вот таким, опростившимся, в рубашке-косоворотке, с усами и бакенбардами предстает перед нами Пушкин на первом автопортрете периода жизни в Михайловском (июнь 1825 года. Черновик рукописи статьи «О поэзии классической и романтической»).

Воспоминаний местных жителей о крестьянских костюмах Пушкина действительно великое множество. И хотя Вульф точно указывает, что это было один только раз, костюмы эти очень отличались один от другого, хотя в чем-то и похожи. Вот свидетельство Акулины Ларионовны Раевской: «А как на ярмарку отправлялся, то просто в рубаше, а то видела, - в шинели серонемецкого сукна, с бархатным воротником и подпоясан был широким красным поясом, а концы длинные сзади заткнуты. Иной раз возьмет, по-крестьянскому переоденется и в село на ярмарку отправится. Мужик мужиком, в армяке с крутым воротом, красный шелковый кушак у пояса».

Армяк – верхняя крестьянская одежда халатом из толстой шерстяной ткани или домотканого сукна.

О посещении 29 мая 1825 года в девятую пятницу ярмарки в Святых горах записал И.И. Лапин - торговец и опочецкий мещанин, почитатель таланта А.С. Пушкина: «здесь имел щастие видеть Александру Сергеевича Г-на Пушкина, который некоторым образом удивил

странною своею одеждою. У него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясанный голубою ленточкою, с железною в руке тростью с предлинными черными бакенбардами».

Несколько другой вариант одежды Пушкина в этот же день дает игумен Святогорского монастыря Иоанн: «одет был Пушкин в крестьянскую белую рубаху с красными листовками, абысанный красною лентой, с таковою же и через плечо».

Листовка - от слова лист, кусок материи, вшиваемый между нижним швом рукава и боковым швом рубахи.

А вот что записал в рапорте графу Витту его секретный агент Босиняк в июле 1826 года: «В Новоржеве узнал я, что на ярмарке Святогорского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовой лентой, в соломенной широкополой шляпе и с железной тростью в руке». «В воскресные дни Пушкин приходит в монастырь в сюртуке, иногда в жару без косынки» (то есть – без шейного платка).

В 1859 году была сделана запись со слов Петра - крестьянина из Михайловского, служившего кучером еще при Пушкине: «Ходил эдак чудно: красная рубашка, кушаком подвязанная, штаны широкие, белая шляпа на голове, волосы не стриг, почти не стриг. Подстрижет эдак макушечку да и ходит». А по воспоминаниям одного тригорского крестьянина, Пушкина можно было «частенько видеть по деревням на праздниках. Бывало, придет в красной рубашке и смазных сапогах, станет с девками в хоровод да слушает, какие он песни спивает». «Пушкин, бывая в Пскове, ходит по базарам, и... весьма почетные люди города видели его переодетым в мещанский костюм, в котором он даже раз явился в один из почетных домов города». Сколько людей поразил Пушкин своей одеждой на ярмарке у Святогорского монастыря, и сколько ее вариантов передают видевшие его в этот день!

«Вообще Пушкин был очень прост во всем, что касалось собственно до внешней обстановки. Одевался он довольно небрежно, заботясь преимущественно только о красоте длинных своих ногтей. Иметь простую комнату для литературных занятий было у него даже потребностью таланта и условием производительности. Утро Пушкин посвящал литературным занятиям. Осенью, - в эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности, - принимал чрезвычайные меры против рассеянности: он не покидал постели или не одевался вовсе до обеда» (П.В. Анненков о жизни Пушкина в Михайловском).

На автопортрете в рост (осень 1825 - январь 1826 гг.) мы видим стройную пропорционально сложенную фигуру в модном сюртуке и жабо, с тростью в руке. Сначала нарисован был столичный цилиндр, надвинутый на нос, потом он заменен сельским картузом.

Сельский житель Буянов, сосед Лариных, приехавший на именины Татьяны, был в картузе с козырьком («Евгений Онегин»). Картуз Пушкин носил и после ссылки, во всяком случае, даже уехав из Москвы в Петербург в 1827 году.

А.С. Андреев – преподаватель Училища правоведения в Петербурге, автор систематических записок «Встречи с Пушкиным», встретился в начале лета 1827 года с Дельвигом и Пушкиным на Невском проспекте. Обрадовавшись знакомству со знаменитым поэтом, Андреев отметил, что «одежда на нем была вовсе не петербургского покроя, в особенности же картуз престранного вида».

А странного в этом ничего нет. Пушкина в Петербурге не было 7 лет, и одет он был по-московски, не успев заказать костюм у петербургских портных. Эти воспоминания Андреева подтверждают факт, что московский стиль одежды, как будет написано дальше, отличался от столичного.

Слово «*картуз*» голландского происхождения, имеет несколько значений. Одно из них обозначает мужской головной убор с жестким козырьком – не форменная фуражка. Обычно его носили с венгеркой или кафтаном. В России картуз получил широкое распространение во второй половине XIX века. Суконный картуз с лакированным козырьком характерен для городского костюма, крестьяне носили картузы с суконными козырьками.

Картузом называли также мешок для чего-либо сыпучего. «Хлестаков (ходит по комнате) – «Посмотри, там в картузе табаку нет?»» (Н.В. Гоголь. «Ревизор»).

Но вернемся в 1826 год, в Михайловское, откуда 26 сентября на «свидание с новым императором в Москву Пушкин поспешно выехал в длиннополном сюртуке своем», «успел только взять деньги и накинуть шинель», по воспоминаниям Марии Ивановны Осиповой. Покрытый грязью, небритый, измятый, не переодевшись (а дорога заняла 4 дня) проведен был поэт в кабинет Царя в Чудовом дворце в Кремле.

После разговора с Николаем I он отправился к дяде Василию Львовичу на Басманную, куда с бала, узнав, что Пушкин возвращен из ссылки, прибежал Соболевский. «Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на

завтрашнее утро съездить к Толстому – «американцу» с вызовом на поединок». (К счастью Толстого в это время не было в Москве, а после «враги» помирились). Когда Пушкин в первый раз после возвращения из изгнания был в театре, публика глядела не на сцену, а на поэта, своего любимца. У разъезда толпились около него и издали указывали его по бывший на нем светлой пуховой шляпе.

В сентябре-октябре 1826 года Пушкин рисует два автопортрета – один над другим. Верхний портрет с длинными локонами – таким он был, а нижний с широкими бакенбардами и новой прической – таким стал.

И вот таким, каким он стал, предстал Пушкин перед слушателями своей трагедии «Борис Годунов» 12 октября 1826 года по описанию одного из них, молодого писателя, журналиста и историка М.П. Погодина, до этого незнакомого с поэтом: «Пушкин был среднего роста, почти низенький человечек, с длинными несколько курчавыми по концам волосами, с живыми быстрыми глазами, с порывистыми ужимками, с приятным голосом, в черном сюртуке, в темном жилете, застегнутом наглухо, в небрежно завязанном галстуке»

. В эти первые два месяца в Москве был нарисован первый портрет поэта после шести лет ссылки, очень близкий по чертам и выражению лица упомянутому «нижнему» автопортрету. Рисунок был выполнен итальянским карандашом скромным французским художником Ж. Вивьеном.

Пушкин одет в темный незастегнутый сюртук, виден белый воротник манишки и узел темного галстука. Портрет выполнен просто, без всяких претензий, чтобы запечатлеть черты поэта на память для его близких друзей.

С течением времени на портретах лицо становится более замкнутым, сосредоточенным в себе, смотрящим мимо нас. Как никто из художников, Вивьен сумел передать в портрете душевную мягкость, детскую незащищенность утонченной природы Пушкина.

В это время поэт познакомился с З.А. Волконской и стал частым посетителем ее салона на Тверской. В один из вечеров там разыгрывались шарады (шарада – загадка, где загаданное слово делится на несколько частей – отдельных слов, которые представляют в разыгрываемых представлениях. Шарады были очень популярны в 19 – начале 20-х веков, сейчас, к сожалению, молодежь даже не слышала об этой интересной игре), и Пушкин принимал в них участие. Нужно было представить переход евреев через аравийскую пустыню. Пушкин взял красную шаль княгини и сказал, что будет изображать скалу в пустыне. Он взобрался на стол и покрылся шалью. Когда «Моисей» прикоснулся жезлом к «скале» (роль жезла играл веер княгини), Пушкин вдруг высунул из-под шали горлышко бутылки, и струя воды с шумом полилась на пол. Раздался дружный хохот.

В 1827 году в Москве на костюме Пушкина обращали внимание не только в салоне, играя в шарады, но иногда и на улице. А.Я. Булгаков - с 1832 года московский почтдиректор – писал своему брату К.Я. Булгакову, петербургскому начальнику почты 11 марта 1827 г.: «Зима наша хоть куда, т.е. новая. Мороз и снегу более теперь, нежели когда-либо, а были дни такие весенние, что я поэта Пушкина видел на бульваре в одном фраке».

В первые месяцы 1827 года в Москве русский художник В.А. Тропинин пишет маслом портрет А.С. Пушкина.

В письме М.П.Погодину С.А. Соболевский сообщает: «Портрет Тропинину заказал сам Пушкин тайком и поднес мне его в виде сюрприза с разными фарсами (стоил ин ему 350 рублей)». Пушкинский костюм на портрете – это сочетание внешних атрибутов байронизма (расстегнутый ворот рубашки с большим белым воротником, небрежно повязанный галстук-шарф) с типично московской принадлежностью костюма – халатом. В столь своеобразной форме выразил представление художника о свободной творческой личности поэта. Искусствоведами подмечено, что Тропинин изображал в одном и том же халате разных людей, а с натуры писал только лицо и фигуру, а костюм придумывал сам (так что на портрете Тропинина Пушкин, возможно, не в собственном халате).

Для Тропинина, когда-то крепостного, было характерно обостренное чувство собственного достоинства, нежелание подчиняться кому бы то ни было, жить в чиновном Петербурге, ходить в мундире. Отсюда потребность жить в Москве, где чудаковатость и леность жителей были своеобразной формой протеста против того, что «нужно» и «положено» официально.

Интересна характеристика московского духа, данная таким тонким наблюдателем, как В.Г. Белинский: «Москвичи – люди нараспашку, истинные афиняне, только на русско-московский лад. Кто не слышал о московском хлебосольстве, гостеприимстве и радушии. Оттого там так много халатов, венгерок, штатских панталон с лампасами и таких невиданных сюртуков со шнурками, которые, появившись на Невском проспекте, заставили бы смотреть на себя с ужасом».

Эпатаж общепринятого в одежде был свойственен и Пушкину. «Он оказывал наружное будто бы пренебрежение к некоторым светским условиям: не следовал моде и ездил на балы в черном галстуке, в двубортном жилете, с откидными ненакрахмаленными воротниками, подражая, быть может, неволью байроновскому джентельменству», - вспоминал о Пушкине 1830-х годов В.А. Сологуб (писатель, знакомый Пушкина).

Это своеволие, непокорность Пушкина, на портрете Тропинина передано самим видом одежды: расстегнутая рубашка, полуразвязанный шарф, полузапахнутый халат.

Соболевский, рассказывая о жизни вместе с Пушкиным в Москве на Собачьей площадке в 1827 году, вспоминает об очень необычном домашнем костюме поэта – «самоедском ергаке» - тулупе мехом кверху. Известно, что Пушкин любил тепло, а его комнаты, наверное, плохо топили.

Поэт приехал в столицу после семилетней разлуки с ней, когда в 1817 году ему было разрешено жительство в Петербурге. В мае этого же года художник О. Кипренский пишет по заказу А.А. Дельвига портрет А.С. Пушкина. Задачу, которую поставил перед собой О.А. Кипренский – показать Пушкина-поэта как «гения» поэзии – были подчинены все художественные средства, в том числе и одежда портретируемого. Если фон портрета светло-коричневый, золотистый, вокруг головы высветленный, мягко сияющий, то общий фон одежды – темный, приглушенный, и только две резкие белые полосы воротника рубашки выделяют самое светлое пятно на холсте, самое в поэте главное – лицо. Только ярким пятном на картине выделяется романтический плащ с крупной красно-оранжевой клеткой.

Трудно найти другой пример в русской живописи, где бы так полно и глубоко было передано вдохновение, внутреннее горение и «дум высокое стремленье» человека. Только один Кипренский своим творением вызвал у Пушкина дружески-благодарственный отклик (правда, не опубликованный при жизни обоих):

«Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня – питомца чистых Муз. –
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.
Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит...»

В 1827 году А.А. Дельвиг для издаваемого им поэтического альманаха «Северные цветы» на 1828 год заказал профессору гравировального класса Академии художеств Н.И. Уткину гравюру по меди с портрета А.С. Пушкина работы О. Кипренского. Задача Уткина состояла в том, чтобы создать камерный портрет поэта для миниатюрного

стихотворного альманаха. Вот почему на его гравюре нет фигуры Музы, скрещенных на груди рук, а романтический плащ почти не виден. Образ поэта - проще и человечнее.

Наверное, этим объясняется мнение отца поэта и лицейских друзей, считавших гравюру Уткина лучшим портретом Пушкина.

В сентябре 1827 года Пушкин из Петербурга уезжает в Михайловское (наступила осень, пришла пора вдохновения). Очень интересно А.Н. Вульф в своем дневнике за 16 сентября 1827 года описал встречу с Пушкиным в его доме в Михайловском. На рабочем столе поэта, «на коем были разбросаны все принадлежности уборного столика поклонника моды», а также две тетради в черной сафьяновой обложке. Пушкин показал гостю «только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал» и,

добавим, Петр I. Это было первое произведение в прозе. К большому сожалению, было написано всего семь глав и оно осталось неоконченным. Редакторы при его первой публикации в 1837 году, после смерти автора, назвали роман «Арап Петра Великого».

Петр I совершил революцию в военной, политической, религиозной и общественной жизни России. А еще и в одежде и развлечениях верхних слоев общества, чтобы они были такими, какие Петр I видел в Европе. В этом произведении видно, что молодые люди с радостью приняли эти новшества, а пожилые только подчинялись и как могли, конечно, сопротивлялись и цеплялись за старое. Молодые дворяне, вернувшиеся из заграницы – такие, как герой романа Ибрагим и его приятель Корсаков, и в поведении и в одежде были совершенными европейцами. Молодой щеголь Корсаков дома «сидел в шлафроке, читая французскую книгу». Его отец, наверняка, и в глаза не видел ни то, ни другое.

Шлафрок, или шлафорк, шлафор – слово немецкого происхождения. Состоит из двух слов: шляфен – спать, рок – платье. Домашняя одежда, просторный утренний халат без пуговиц, с большим запахом, его носили с поясом из витого шнура. В XVIII веке носили его и мужчины и женщины. Мужчины как обыкновенный халат надевали на рубашку и панталоны.

Если шлафрок сшит из красивой дорогой ткани, мужчинам можно было в нем принимать гостей – мужчин.

Этому слову в произведениях Пушкина очень повезло. Так в этом же произведении пленный швед «уединенный житель каморки» в доме Ржевского, был одет в колпак и китайчатый шлафрок.

*Рисунок из журнала
«Modes de Paris» за 1839 г.*

Колпак – мягкая конусообразная мужская спальная или домашняя шапочка (В.И.Даль).

Родители Маши – героини повести «Метель», зимним утром завтракали – отец в колпаке и байковой куртке, а мать в шлафроке на вате.

А в отрывке «Участь моя решена» герой перед самой женитьбой все раздумывает об этом своем шаге: «Жениться! Легко сказать – большая часть людей видят в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафрок». Мать Татьяны Лариной из московской барышни, с годами прекратившись в рачительную хозяйку – помещицу,

«...обновила, наконец,
На вате шлафор и чепец».

На такой шлафор очень похож «стеганный халат», который, по мнению Пушкина, носил бы Ленский в старости, «расставшись с музами», если бы не был убит на дуэли.

Лубочная картина на стене почтовой станции изображала блудного сына и его отца, почтенного старика в колпаке и шлафроке. («Станционный смотритель»).

В «Дневнике» (30 ноября 1833 года) Пушкин сделал запись о том, что Великий князь Михаил (строго следивший за дисциплиной гвардейских офицеров) «застал несколько офицеров во время дежурства в полку одетыми в шлафроках». Думаю, что офицерам пришлось несладко. Но вернемся к Корсакову, нарядившемуся для ассамблеи, куда он поехал, надев башмаки с красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блестками. Пудренный парик, перчатки и шпага довершали его костюм.

Для улицы ему и Ибрагиму подали медвежьи шубы.

На ассамблее, куда приехали Ибрагим и Корсаков, «молодые девушки блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блистало на

их робах; из пышных фижм возвышалась, как стебель, их узкая талия; алмазы блистали в ушах, в длинных локонах и около шеи». «Барышни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимой стариной: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку». Жены и дочери голландских шкиперов были одеты «в канифасных юбках и красных кофточках».

Мужские наряды тоже упоминает автор: офицеры гвардии в зеленых мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах, вельможи с голубыми лентами через плечо.

В доме Ржевских их «дура» Екимовна вышла к гостям в «штофном робронде с открытой шеей и грудью со словами, что «наряжалась по царскому наказу, насмех всему миру, по немецкому маниру». Так «дура», как будто шутя, но очень откровенно критиковала нововведения Петра I в одежде бояр и дворян. Шутам испокон веков удавалось даже царям говорить правду в глаза, и это им сходило с рук. Что с них «дураков» взять?

Поясим значение уже забытых слов, тем более что они будут встречаться и в других произведениях А.С. Пушкина.

Фижмы. *И.Я.Вишняков Портрет Сары Фермор. Ок. 1750 г.*

Кафтан – верхняя двубортная длинная мужская одежда различного покроя. Кафтан упоминается в «Капитанской дочке»: в Оренбурге на совещании у генерала директор таможни был одет в газетовый кафтан.

Газет – парча, тканая шелковыми и серебряными нитями.

Роба – женское платье свободного покроя.

Фижма – каркас из ивовых прутьев или китового уса в виде обруча, вставляемого под юбку у бедер, для придания ей пышной формы, или сама юбка с таким каркасом.

О фижмах и драгоценных украшениях можно прочитать и в повести «Барышня-крестьянка». Когда ее героиня барышня Лиза Муромская, чтоб гость Алексей Берестов не узнал в ней крестьянку Акулину, набелилась по уши, взбила на голове фальшивые светлые локоны, а рукава ее платья у плеча торчали как фижмы мадам де Помпадур, талия была перетянута как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, на шее и ушах.

А, между прочим, во времена мадам де Помпадур в Париже жила старая графиня, - некогда молодая красавица, «московская Венера», - и она носила фижмы под юбкой.

Чепец – женский головной убор в XVIII-XIX веках, носили его с утренним или домашним платьем замужние женщины. Величина и форма чепца зависели от моды. Чаще всего его делали с завязками под подбородком. **Вот в таком чепце нарисовал Пушкин, предположительно, Амалию Ризнич.**

В нарядных чепцах ездили на балы и рауты как, например, на вечере у замужней Татьяны были гости – «дамы пожилые в чепцах и розах, с виду злые» («Евгений Онегин»).

Старая графиня – «Пиковая дама» - на бал надела «желтое платье, шитое серебром, и чепец, украшенный розами».

В ночных чепцах (они были попроще) женщины спали. Так Наталья Павловна, героиня поэмы «Граф Нулин», на ночь, ложась спать, велела себе подать «кофту и чепец». В чепцах почтенных дам и хоронили. В повести «Гробовщик» клиенты гробовщика Адрияна Прохорова, явившиеся к нему во сне в гости, все «одеты были благопристойно, покойницы в чепцах и лентах, мертвецы чиновные – в мундирах, купцы в праздничных кафтанах, у скелета кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах».

Пушкин не жалуется ученых женщин и об этом говорит в одном из лирических отступлений «Евгения Онегина» с иронией, используя предметы женского костюма чепец и шаль:

«Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали,
Иль с академиком в чепце».

Роброн – парадное женское платье с фижмами колоколообразной формы. Само название означает, что каркас фижмы имел в плане круглую форму. Роброны шили из плотных прочных тканей: бархата, штофа, атласа разнообразной расцветки, служили они очень долго и переходили от матери к дочери. Они были очень модны в России в XVIII веке. К началу XIX века совершенно исчезли.

Хозяйка почтовой станции Царского Села была против того, чтоб дочь покойного капитана Миронова на прием во дворец к Императрице ехала в дорожном платье и предложила «послать к повивальной бабке за ее желтым роброном». Но Государыне было угодно, чтоб Мария Ивановна ехала в том, в чем ее застанут («Капитанская дочка»).

Мантилья – женская короткая накидка без рукавов, ее носили в XVIII-XIX веках, т.е. в пушкинское время. Так Евпраксинья Вревская в письме к мужу (начало 1835 года) писала, что она подарила матери Пушкина мантилью, «которая доставила ей много удовольствия», «она все эти дни ходила в кацавейке».

Если чепцы, мантильи и т.д. предметы одежды пришли к нам из других стран, то душегрейки, или как в некоторых областях – телогрейки, - одежда исконно русская. В старину телогрейкой называли женскую одежду в виде кофты без рукавов или в виде недлинной юбки на лямках (Вятская, Архангельская, Петербургская губернии).

Телогрейки или душегрейки – очень демократичный вид одежды, их носили и крепостные крестьянки, например, няня Татьяны Лариной с «платком на голове седой, старушка в длинной телогрейке», и очень небогатая жена капитана Миронова Василиса Егоровна. Интересно, что она по внешнему виду при первом знакомстве с Гриневым напоминает няню Татьяны – Филиппьевну: «У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове». После взятия пугачевцами крепости один из них «успел нарядиться в ее душегрейку». Как видим, Пушкин дает этой женской одежде два названия.

Императрица Екатерина II тоже, утеплялась, надев душегрейку. Маша Миронова в Царскосельском парке «увидела даму, сидящую на скамейке в ночном чепце, в белом утреннем платье и душегрейке» («Капитанская дочка»).

Кацавейка – короткая распашная кофта, подбитая и отороченная мехом.

Канифас – легкая плотная хлопчатобумажная ткань с рельефным рисунком, в старину – полосатая.

Штоф – тяжелая шелковая или шерстяная ткань с вытканым рисунком.

15 сентября 1827 года в Михайловском Пушкин рассказывал А. Вульффу, как «государь цензирует его книги... Великому цензору не понравились шутки старого монаха с харчевницей. В «Стеньке Разине» не пошли стихи, где он говорит воеводе астраханскому, хотевшему у него взять соболью шубу: «Возьми с плеч шубу, да чтоб не было шуму».

Поэме «Граф Нулин», написанной Пушкиным как раз в Михайловском, 13-14 декабря («в два утра») 1825 года, тоже досталось. И причина недовольства «высокого цензора» - одежда героев поэмы. Вообще, в поэме много упоминаний о ней – и женской и мужской. Ее герой – шеголь и мот граф Нулин вернулся (из Парижа) «из чужих краев с запасом фраков и жилетов. Шляп, вееров, плащей, корсетов. Булавок, запонок, лорнетов, цветных платков и ажурных чулков». Он дает Наталье Павловне – героине поэмы – во время обеда исчерпывающие сведения о парижских писателях, театрах и, конечно, о моде:

«Как тальи носят? – Очень низко.

Почти до... вот до этих пор.

Позвольте видеть ваш убор.

Так... рюши, банты, здесь узор.

Вот это к моде очень близко...»

Наталья Павловна отвечает, что ничего удивительного в этом нет: «Мы получаем «Телеграф». «Московский телеграф» - журнал Н.А. Полевого, к нему прилагались изображения мод в красках» (примечание А.С. Пушкина).

Убор Натальи Павловны – это или шляпка или нарядный чепец.

Параша – девушка героини, ее служанка, подружка, «наперсница ее затей» и «соперница по вниманию мужа» - все одновременно, и еще у своей госпожи «изношенных капотов просит».

Капот – вышедшая из употребления верхняя теплая одежда для улицы, свободного покроя, с рукавами и разрезом спереди, род пальто. Встречается и в других произведениях Пушкина: «Лизавета для прогулки надела капот и шляпку» («Пиковая дама»).

Маша при побеге из родительского дома в страшную метель укуталась шалью и надела теплый капот» («Метель»).

(Моя бабушка капотом называла теплый байковый халат с длинными рукавами. Больше я это слово никогда не слышала).

Наталья Павловна, ложась спать, велела Параше подать ночную одежду: «спросила кофту и чепец». А граф, решив попытать счастья в спальне хозяйки, встав с постели, тотчас на плечи накинув свой пестрый шелковый халат, отправился навстречу приключению, правда, окончившемуся совсем не так, как он хотел.

Вот эти ночная кофта Натальи Павловны и халат графа и стали причиной двух замечаний «высокого цензора». Об этих замечаниях императора к поэме «Граф Нулин» писал Пушкину Бенкендорф.

И о них Пушкин очень смешно, весело дурачась, рассказывал А. Вульфу 15 сентября 1827 года за обедом в Михайловском: «Нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же его одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною, просили, чтоб он дал ей хотя салоп». Конечно, это шутка, выдуманная Пушкиным, смешна своей нелепостью.

Салоп – верхняя женская одежда, вид теплого плаща с проймами для рук, совершенно не подходит для того, чтоб быть ночной. Да и встав со сна, мужчины сюртук не надевают. Разговор с Вульфом был наедине, и Пушкин был уверен, что ни Бенкендорф, ни Николай I о нем не узнают.

Позднее, в «Пиковой даме» Пушкин для сна одевает старую графиню тоже в «спальную кофту и ночной чепец».

Но от одежды пушкинских героев вернемся к самому Пушкину, к его внешнему виду. Весной 1828 года Пушкин, уже знаменитый поэт, посетил свой любимый Лицей. Лицейсты поздних выпусков обожали Пушкина. И гордились званием лицеиста, ведь в Лицее учился сам Пушкин. Я.К. Грот, в то время лицеист младшего курса (поступил в 1826 году), впоследствии историк литературы, один из первых биографов поэта, оставил воспоминание об этом посещении Пушкиным Царскосельского Лицея: «Мы следовали за ним тесной толпой, ловя каждое слово его. Пушкин был в черном сюртуке и белых летних панталонах. На лестнице оборвалась у него штрипка; он остановился, отстегнул ее и бросил на пол; с намерением отстал и завладел этой драгоценностью, которая после долго хранилась у меня».

Началом 1828 года датируется литография Г.Ф. Гиппиуса – портрет А.С. Пушкина.

(Литография изобретена в 1798 году, способ плоской печати, при которой формой служит поверхность камня-известняка. Изображение на камень наносится жирной тушью или литографическим карандашом, возможно широкое тиражирование этого рисунка на бумаге). Г.Ф. Гиппиус - выходец из Ревеля, получивший образование в Венской Академии художеств, хорошо был известен в Германии и Италии как литограф-портретист и превосходно владел новомодной техникой. В Россию приехал в 1819 году. Гиппиус рисовал на камне с натуры.

В портрете А.С. Пушкина поэт лишен романтического ореола, ни тени улыбки, ничего возвышенного и мягкого не видно в выражении его лица. Напротив,

черты лица скульптурно четки, сухи и холодны. Расходящиеся острые углы воротника рубашки, сюртука, банта, концов галстука усиливают ощущение напряженности. Это взгляд на Пушкина стороннего человека, не испытывающего священного трепета перед национальным гением России.

Пушкин был недоволен иллюстрацией к «Евгению Онегину» - гравюрой, выполненной в 1828 году Е.И. Гейтманом с оригинала А.В. Нотбека, т.к. она искажала замысел Пушкина и не соответствовала тексту поэмы «с душою полной сожалений» Онегин, а не Пушкин стоял, «опершись на гранит».

Нотбек ставил перед собой не столько задачу создать иллюстрацию к роману, как того хотел Пушкин, сколько изображение поэта. Поэтому он повернул его лицом к зрителю, чем и вызвал эпиграмму автора романа:

«Вот перешед через Кокушкин,
Опершись.....о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит».

И эта гравюра явилась первым печатным изображением Пушкина в рост на фоне Петербурга. Виден весь костюм поэта (видны даже штрипки его светлых панталон). Поэт стоит со скрещенными на груди руками в позе, характерной для него.

Впечатление о встрече с Пушкиным поляка С. Моравского, воспитанника Вильнюсского университета, врача по профессии, приехавшего в Петербург в 1828 году, мне не хочется здесь упоминать. Уж очень недоброжелателен этот голос из прошлого, голос человека без снисходительности, а с каким-то даже удовольствием отметившего все недочеты и вольности костюма и внешности Пушкина, и почти не заметившего в нем ничего хорошего. Но я все-таки приведу этот пристрастный уничижительный отзыв: «Я не спускал глаз с

Пушкина, сидевшего напротив меня. Небрежность его одежды, растрепанные (он немного был плешив) волосы и бакенбарды, искривленные в противоположные стороны подошвы и, особенно, каблуки свидетельствовали не только о недостатке внимания к себе, но и о неряшестве... (За исключением одного раза на балу, никогда я его не видел в нестоптанных сапогах). В жилах его текла арабская кровь Ганнибала, которая даже через несколько поколений примешала свою сажу к нашему славянскому молоку.

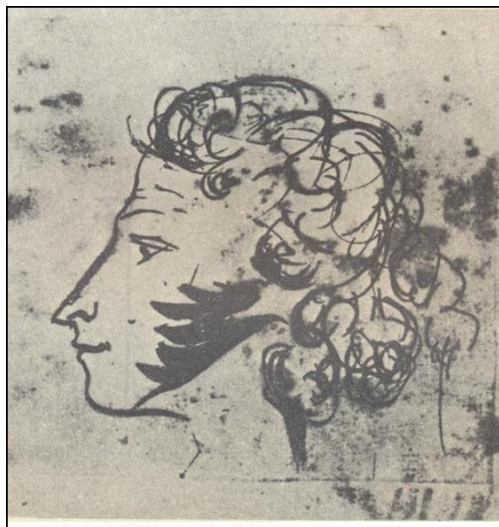
С тех пор я часто встречал Пушкина. Манер у него не было никаких. Вообще держал он себя так, что я никогда не догадался, что Пушкин дворянин древнего рода. В обхождении он был очень приветлив. Роста был небольшого; идя, неловко волочил ноги, и походка у него была неуклюжая. Все портреты его, в общем, похожи, но несколько приукрашены. Когда мне случалось немножко побыть с ним, я неизменно чувствовал, что мне трудно было бы привязаться к нему, как к человеку. В то время вся столичная публика относилась к нему с необыкновенным энтузиазмом, восхищением, восторгом».

А по воспоминаниям В.А. Нащокиной, «у Пушкина были простые манеры, в которых, однако сказывался прирожденный барин... Ни один из его портретов не передал и сотой доли духовной красоты его облика, - особенно необыкновенной привлекательности его голубых удивительных глаз».

А вот Е.Е. Синицына, урожденная Смирнова, дочь бывшего берновского священника, считала, что он «танцует, ходит как-то особенно легко, как будто летает весь какой-то воздушный». Где Моравский увидел волочение ног и неуклюжесть походки?

«Я не встречал людей, которые были бы вообще так любимы, как Пушкин; все приятели его делались скоро его друзьями. Он знакомился скоро, и, когда ему кто-то нравился, он дружился искренно», - так отзывался о Пушкине его приятель Н.М. Смирнов (муж Александры Осиповны, урожденной Россет).

В 1829 году Пушкин уехал на Кавказ в действующую армию, в лагерь генерала Николая Раевского, командующего Нижегородским драгунским полком. Вот каким, по воспоминаниям его адъютанта М.В. Юзефовича, увидел он Пушкина: «Как сейчас вижу его живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, с великолепными чистыми и ясными глазами, с белыми блестящими зубами, о которых он очень заботился как Байрон. Он вовсе не был смугл, не черноволос, как уверяют многие, а вполне белокож и с вьющимися волосами каштанового цвета, черты лица у него были приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет работы Кипренского похож безукоризненно. В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе. (А ведь Пушкин прибыл в лагерь после многодневной дороги верхом). Носил он у нас щегольский черный сюртук с блестящим цилиндром на голове, а потому солдаты, не зная, кто он такой, и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку, принимали его за полкового священника и звали его драгунским батюшкой».

Трудно поверить, что С. Моравский писал о том же человеке, о котором вспоминали Синицына, Нащокина, Смирнов и Юзефович! А причина в том, что все они глядели на поэта, по счастливо найденному выражению И.И. Пущина «с полным благорасположением». А Моравскому почему-то наш Пушкин очень не понравился.

14 июня 1829 года Пушкин принимал участие в сражении вместе с Нижегородским драгунским полком, на коне, в бурке и круглой шляпе. Таким он и нарисовал себя позже в Москве в альбом Елизаветы Ушаковой.

7 июля по случаю победного окончания военных сражений был званый обед у главнокомандующего российскими войсками на Кавказе И.Ф.Паскевича. Поэт Пушкин тоже был приглашен на этот обед. Один из участников торжества вспоминал: «Увидел я нашего поэта в черном фраке. Остальные все участники были в военных мундирах».

По возвращении с Кавказа, в Москве к концу 1829 года Пушкиным было создано несколько автопортретов. Два из них в экзотической одежде. Шутливый - в монашеском клобуке, искушаемый бесом.

Позже, в 1830 году, в Болдине, примерно в такой «черкесской косматой шапке, в военной шинели, окутанного шалью» Пушкин представит читателю гусара Минского, приехавшего на почтовую станцию («Станционный смотритель»).

И третий – самый известный, очень любимый почитателями пушкинского таланта, большой автопортрет из «Ушаковского альбома», теперь воспринимаемый нами как символ нашего Пушкина.

И еще автопортрет в сюртуке и черном глухом галстуке.

С 1830 года автопортреты Пушкина стали редки, прозаичны, лишены полета и поэзии (к этому году относится само-изображение на черновике письма к Каролине Собаньской). Если раньше Пушкин иногда изображал себя моложе, то теперь – никогда. Наоборот, все чаще он придает себе стариковские черты. Например, автопортрет на черновике письма В.А. Сологубу (февраль 1836 года).

*И рисунок Пушкина с его подписью
«Патриарх АП 1835-1836 года
с лавровым
венком на голове».*

В январе 1830 года в Петербурге Пушкин был на балу у французского посланника, и, как и на Кавказе, один во фраке среди других гостей в мундирах. У императора, присутствовавшего на празднике, это вызвало неудовольствие, о котором он написал в пометке на письме к нему Бенкендорфа: «Вы могли сказать Пушкину, что неприлично ему одному быть во фраке, когда мы все были в мундирах, и что он мог бы завести себе по крайней мере, дворянский мундир; впоследствии в подобном случае пусть так и сделает».

Такого мундира, несмотря на «высочайшее» пожелание, Пушкин «не завел».

К этому времени относится изображение Пушкина, идущего по Невскому проспекту. Это рисунок 1830 года художника - любителя П.И. Челищева, карикатуриста, автора многих шаржей.

Вот что писал о нем современник: «Личности, изображенные им в его альбомах, хотя и были писаны в карикатурных видах, но были неподражаемой и восхитительной прелести. Сходство, манеры, поза – так все было мастерски схвачено, что каждый тотчас узнавал себя».

На какие черты в облике Пушкина обратил внимание зоркий карикатурист? Пушкин изображен крупным планом, во весь рост, широко шагающим по Невскому. В рисунке Челищева точно схвачены и метко переданы характерные особенности Пушкина: пристрастие к быстрой ходьбе, стремительность и легкость походки, порывистость телодвижения и обычай гулять по Невскому проспекту. Шаржированность рисунка Челищева сказалась в небольшой диспропорции фигуры Пушкина, чуть-чуть сплюсненной, как будто укороченной, и в нарочитой обыденности смятого ходьбой костюма.

В начале апреля 1830 года Пушкин из Петербурга приехал в Москву, чтоб сделать предложение Н.Н. Гончаровой. Вот воспоминание В.А. Нащокиной об этом событии: Собираясь ехать к Гончаровым, поэт заметил, что у него нет с собой фрака. «Дай мне, пожалуйста, твой фрак, - обратился он к Нащокину. Я свой не захватил (а, может, он был уже не совсем новый). Друзья были одинакового роста и сложения, и потому фрак Нащокина как нельзя лучше пришелся на Пушкина. Сватовство на этот раз было удачное, что поэт в значительной мере приписывал «счастливому» фрак. Нащокин подарил этот фрак другу, и с тех пор Пушкин, по его собственному признанию, в важных случаях жизни надевал «счастливый нащокинский фрак». (В самый день Светлого Христова Воскресения 6-го апреля 1830 года Пушкин сделал предложение семейству Натальи Николаевны, которое и было принято).

12 мая написан отрывок «Участь моя решена. Я женюсь». Хоть Пушкин и приписал, что это перевод с французского, но отрывок этот, во многом, автобиографичен. В этом произведении отмечена особенность отношения героя к своему костюму (мне совершенно непонятная): «Одеваюсь небрежно, если еду в гости; со всевозможною старательностью, если обедаю в ресторации».

Перед венчанием Пушкину было нужно сшить новый фрак, но, по словам П.В. Нащокина, «не желая расходоваться, он не сшил его». Для других Пушкин был «щедр и великодушен на деньги. Бедному он не подавал менее 25 рублей», - вспоминал П.В. Нащокин. А вот на себе Пушкин частенько экономил.

Свадьба Пушкина с Натали состоялась 18 февраля 1831 года. Но до этого была первая Болдинская осень 1830 года. Болдинское чудо! Из Болдина 9-го сентября Пушкин писал П.А. Плетневу: «Уж я тебе наготовлю всякой всячины, и прозы и стихов». Слово сдержал, наготовил! А в письме ему же из Москвы в декабре: «Я в Болдине писал, как давно уже не писал».

Поэму «Домик в Коломне» Пушкин назвал в письме «повестью, писанную октавами». Поэма «Домик в Коломне» замечательна тем, что к ней Пушкиным нарисована автоиллюстрация на белой рукописи (Рисунок) – забавная фигура Мавры – мужчины, перерядившегося в девушку. Вот как описал Пушкин ее портрет и наряд:

«За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка и, низко поклоняясь,
Прижалась в угол, фартук разбирая».
На голове у нее надет чепец.

В Болдино «закончен труд многолетний», продолжавшийся по подсчету автора «7 лет, 4 месяца, 17 дней» - роман «Евгений Онегин».

О некоторых одеждах, упоминаемых в романе, уже говорилось в этом исследовании. Осталось добавить немного. При чтении таких строк: «Татьяна на широкий двор / В открытом платьице выходит», вспоминается мне послевоенное время, когда нам, девочкам, шили ситцевые и (предел мечтаний) штапельные платья – татьянки». По моде времен Татьяны Лариной платья носили с открытой шеей и грудью, с короткими пышными рукавами, мы их называли фонариками, прилегающим лифом, завышенной талией и широкой юбкой в сборку. И наши платьица были такие, только талии помещались там, где положено.

В романе «Евгений Онегин» упоминаются еще два предмета женского бального или для раута костюма: берет и боа.

Онегин обращается к своему родственнику, генералу, князю, увидев на балу очень изменившуюся Татьяну:

***«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?»***

Я помню, когда в школе мы изучали этот роман, я была очень удивлена, что на балу можно носить берет. Мы в беретах ходили по улице осенью и весной! Чуть позже в Москве в Большом театре я слушала эту оперу, и была поражена красотой бального костюма Татьяны, «в малиновом берете на голове, с большим страусовым пером». Потом я узнала, что береты появились в Европе очень давно, сначала были четырехугольными из фетра. В средние века их

носили католические священники и аббаты. Вскоре берет становится официальным головным убором докторов. С XV века в Европе береты стали популярны и у мужчин, и у женщин. В зависимости от сословия и состояния их делали из шерсти, войлока, атласа, бархата, украшали жемчугом, драгоценными пряжками, перьями, размеры их тоже были разными. К XVII веку береты выходят из моды. Лишь в начале XIX века они вернулись как женский головной убор. Носили их чуть сдвинутыми на затылок и на правый бок. Были они атласными или бархатными, с дорогими украшениями. А сейчас береты в современном костюме – популярный головной убор – мужской и женский. Кроме того, береты приняты как часть обмундирования в некоторых родах войск.

И еще одна нарядная деталь – боа.

Онегин как тень всюду следует за Татьяной:

«Он счастлив, если ей накинёт

Боа пушистый на плечо»

Длинный узкий шарф из пушистого меха или перьев – **боа** получил свое название из-за сходства со змеей (боа – по-французски змея). Он вошел в моду после войны 1812 года и на протяжении 100 лет не покидал женских плеч. После Первой мировой войны, когда резко изменился женский костюм, боа совершенно вышли из моды. А.П. Керн в своих «Воспоминаниях о Пушкине» рассказывает о трогательной сцене во время своей встречи с Александром Сергеевичем и Натальей Николаевной в доме родителей поэта незадолго до смерти Надежды Осиповны. Пушкин с женой сидели у кровати больной. «Александр Сергеевич держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как будто тем выражал ласку к жене и ласку к матери».

Анна Петровна, очень наблюдательная женщина, тонко подметила, что отношением к костюму, одежде какого-либо человека иногда можно выразить свое отношение к самому их владельцу.

Но вернемся к Онегину и Татьяне. Евгений тоже счастлив, если

«...раздвинет

Пред нею пестрый полк ливрей,

Или платок подымет ей».

Здесь слуги названы по их костюмам. Одежда домашних слуг – **ливрея** – появилась в России в начале XVIII века со времен Петра I. Был даже «Табель экипажам и ливреям», регламентирующий количество галунов на ливреях слуг в зависимости от класса государственного служащего – хозяина слуг.

В Болдине в 1830 году написано первое законченное прозаическое произведение «Повести Белкина»: первая повесть - «Гробовщик» 9 сентября, последняя - «Метель» - 20 октября. В повести «Выстрел», начатой 12-го и оконченной 14-го октября, ее герой Сильвио бережно хранил в картонной коробке свой головной убор – красную шапку с золотой кистью и с галуном, простреленную на вершок выше ото лба молодым графом в неоконченном с ним поединке, как память о долге – ответном выстреле Сильвио.

Сильвио дождался момента, когда граф, счастливый молодой муж, любил и был любим, и конечно, очень дорожил жизнью. Он настоял, чтоб противники обменялись выстрелами. Бросая жребий, кому стрелять первому, билеты положили в ту же фуражку.

В повести «Барышня-крестьянка» ее героиня Лиза Муромская, чтобы познакомиться с молодым соседом Алексеем Берестовым, наряжалась крестьянской девушкой: из толстого полотна рубашка с медными пуговками, сарафан из синей китайки и маленькие лапти.

Таков же женский крестьянский костюм в неоконченном произведении «История села Горюхина», написанном Пушкиным в Болдине 1 ноября 1830 года. Есть описание крестьянина – мужика: «Одежда горюхинцев состояла из рубахи, надеваемой сверх порток, что есть признак их славянского происхождения. Зимой носили они тулуп, но более для красоты, нежели из настоящей нужды, ибо тулуп накидывали они на одно плечо и сбрасывали при малейшем труде, требующем движения.

В повести «Барышня-крестьянка» есть описание костюма помещика средней руки, рачительного хозяина Ивана Петровича Берестова: в будни плисовая куртка, по праздникам сертук из сукна своей фабрики, домашней работы, осенью на охоту он выезжал в чекмене, подбитом лисьим мехом. Значений скольких слов надо сикать в словаре!

Плис – устаревшее слово, хлопчатобумажный бархат.

Сертук – то же, что и сюртук.

Чекмень – суконная верхняя мужская одежда халатообразного покроя, а также верхняя форменная одежда казачьих офицеров.

В повести «Гробовщик» одно из действующих лиц – будочник Юрко. Будочник – нижний чин городской полиции, дежуривший в будке. Пушкин с иронией называет его оружие и мундир «секирой и броней сермяжной».

Сермяга – русское крестьянское некрашеное сукно. В.И. Даль в своем словаре в примечании уважительно к этому материалу пишет: «сермяжные кафтаны были и на ополчениях наших», как бы не соглашаясь с пушкинской иронией к сермяжному мундиру будочника Юрко.

А вот к Лизавете Ивановне – героине повести «Пиковая дама», к бедной воспитаннице старой графини, к этому «пренесчастному созданию», которая с лихвой узнала горечь зависимости от своей богатой благодетельницы, Пушкин относился сочувственно и жалел ее. Об ее унижительном незавидном положении говорит и разница в одежде для улицы старой графини и Лизаветы Ивановны: графиня «на бал поехала», укутанная в соболью шубу, а ее воспитанница в холодном плаще.

Самый конец ноября 1830 года. Пушкин с бесценным багажом своих рукописей выезжает из Болдино. В Москве его ждет невеста и впереди полная забот, невзгод и радостей жизнь женатого человека. Молодые в Москве прожили недолго и весной 1831 года уехали сначала проездом в Санкт-Петербург, а потом в Царское Село, в снятую для них квартиру в доме Китаевой. Это было самое счастливое время в жизни поэта.

К этому времени относится портрет А.С. Пушкина работы неизвестного художника с датой «13 июня 1831». Вероятно, он исполнен с натуры. На Пушкине мягкая светлая шляпа с широкими полями и шотландский галстук.

Лето в этом году было очень жарким. И вот как об этом вспоминает А.О. Россет: «Кабинет поэта был на втором этаже с окнами без занавесок. В этой простой комнате была невыносимая жара, но он это любил, сидел в сюртуке, без галстука».

Очень хорошо известен групповой портрет четырех писателей: И.А. Крылова, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Н.И. Гнедича на фоне деревьев Летнего сада в Петербурге – этюд маслом Г.Г. Чернецова (1832 г.) к большой картине «Парад на Марсовом Поле».

***Сохранился и рисунок Чернецова, где изображена фигура Пушкина (рядом фигура Н.В. Жуковского) на тонком листе бумаги с авторской надписью внизу:
«Алекс. Серг. Пушкин, рисовано с натуры 1832 г. Апреля
15-го; ростом 2 арш., 5 вершк. с половиной».***

Это единственное свидетельство о росте А.С. Пушкина – 166,5 см.

На этом рисунке, как и на этюде и картине Чернецова, мы видим Пушкина в одной позе и том же костюме: в модном черном фраке с очень высоким воротником, жилете, шейном платке, цилиндре, с руками в карманах брюк. На этюде Пушкин самый элегантный, очень изящный, он один во фраке, остальные в верхней одежде.

О встрече с Пушкиным – «знаменитым русским поэтом» - в начале июля 1833 года в одну из белых петербургских ночей на островах, оставил воспоминания Фридрих Титц, директор театра в Ревеле. Автор воспоминаний вместе с приятелем, пройдя Крестовый остров, увидел, «что впереди них прогуливается среднего роста стройный человек 34 или 35 лет. Темные (такими они казались ночью) несколько углубленные глаза на небольшом бледном лице, прекрасный рот, полный белых зубов. Только нос казался несколько широким. У него были черные курчавые волосы, прекрасные брови и темные бакенбарды. Одет он был по последней моде, но заметна была какая-то небрежность в одежде. Спутник Титца подошел к этому человеку, приветствовал его: «Здравствуйте, Пушкин!»

В 1833 году Николай I ввел для дам, находящихся в придворной службе, формы – дамские мундиры, вроде офранцузенного сарафана: шитые золотом зеленого бархата для статс-дам и пунцового – для фрейлин.

В этом году тяжелый неурожай постиг значительную часть России, поэтому даже некоторые члены высшего общества, в том числе и Пушкин, в тесном кружке осуждали это нововведение в «бедное и бедственное время». (Об этом писал Пушкин 27 ноября 1833 года в своем дневнике). А вскоре Пушкину пришлось думать о собственном мундире. Запись в дневнике: «1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). На дворе хотелось, чтоб Наталья Николаевна танцевала в Аничкове». На балы в Аничков дворец (личная собственность Николая I со времен, когда он был Великим Князем) приглашались только избранные лица, например, состоящие на придворной службе. Камер-юнкер среди придворных чинов был самой последней степени. Сначала Пушкин был просто взбешен такой царской милостью, посчитав это намеренным оскорблением императора. Ведь камер-юнкерами становились очень молодые люди, 20-25 лет, а поэту шел 35-й год. Но друзья уговорили Пушкина не сердиться и понять, что государь имел намерение отличить поэта, а «не сделать смешным». Но у Николая I были сомнения, хорошо ли Пушкин примет «свое назначение».

7 января на балу у графа Бобринского, как записал Пушкин в дневнике «Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его». Конечно, это говорит о независимости и даже прежней строптивости поэта. Да, наверное, Николай I, зная эти черты характера Пушкина, и не надеялся на бурную от него благодарность.

Звание камер-юнкера вело к новым и немалым денежным затратам. Прежде всего, нужен был камер-юнкерский мундир, а он стоил немало. А как же он выглядел? Мундир был темно-зеленого цвета, с красными обшлагами, с золотым шитьем, украшающим всю грудь. По краям – ниспадающие золотые кисти. И высокий стоячий воротник, тоже красный, с золотом впереди. Белые суконные панталоны. Шляпа, шитая золотом, была украшена белым плюмажем. Одним словом, мундир был красив.

Плюмаж – украшение из перьев, опушка на шляпе (В.И. Даль).

Мундир нужно было заказать портному. Здесь Пушкина выручил богатый Н.М. Смирнов, но сделал это деликатно и не в обидной для поэта форме. Вот как об этом вспоминал сам Николай Михайлович: «узнав от портного о продаже нового мундира князя Витгенштейна, перешедшего в военную службу, и что он совершенно будет впору Пушкину, я ему послал его, написав, что мундир мною куплен для него, но что представляется его воле взять его или вернуть меня в убыток, оставив его на моих руках. Пушкин взял его и поехал ко двору».

Действительно, когда 23 января Пушкины были приглашены в Аничков дворец, поэт оплошал: поехал туда в камер-юнкерском мундире, а по этикету в этот раз надо было быть во фраке. Пушкин, оставив жену на балу, вернулся домой переодеться во фрак, но после поехал не во дворец, а отправился на вечер в другое место. Император был, конечно, недоволен этим и говорил о Пушкине, что он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. «Передайте ему мое неудовольствие».

Двумя днями позже на балу у князя Трубецкого, на полчаса приехал император, но успел Наталье Николаевне показать это неудовольствие Пушкиным. Из-за сапог (т.е. без повода, по капризу) или из-за пуговиц ваш муж не явился в последний раз. (Пушкин писал в дневнике от 26 января 1834 года, что старая графиня Бобринская выгораживала его и объясняла причину в том, что были не нашиты мундирные пуговицы).

Новый мундир требовал исполнения строгого придворного этикета, что осложняло и без того сложную жизнь поэта. А он иногда его нарушал, конечно, невольно, что было обусловлено всякими неприятностями. (Пушкин часто не мог угадать, что надо надевать в разных случаях). Оплошал Пушкин и в другой раз, появившись в треугольной шляпе, а надо было в круглой. В третий раз пуговицы были не по форме. Пушкина тяготит этот камер-юнкерский мундир, он старается как можно реже надевать его, отговариваясь под разными предлогами.

7 марта он не поехал на бал у Фикельмон, на котором все были в мундирах. В апреле не явился (как впрочем, и некоторые другие камер-юнкеры и камергеры) в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресенье. Император был очень рассержен и сказал: «Если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить».

Вот широко и пышно празднуется совершеннолетие наследника, будущего Императора Александра II. Пушкин пишет жене в Полотняный Завод 20-22 апреля: «Нынче Великий князь присягал, я не был на церемонии, потому что рапортуюсь больным». А в конце мая Пушкин сообщает Наталье Николаевне, что много работает, в свете не бывает, от фрака отвык.

В июне Пушкину пришлось, все-таки, снова надевать камер-юнкерский мундир, так как он был представлен Великой княгине Елене Павловне (жене Михаила Павловича). Он иронично сообщает жене: «Я поехал к ее высочеству на Каменный остров в том приятном

расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она была так мила, что я забыл и свою несчастную роль и досаду».

Елена Павловна ценила творчество Пушкина, а, по словам В.А. Жуковского, «очень любила Пушкина». Сохранились 4 ее записки к Жуковскому от 27-29 января 1837 года с вопросами о состоянии здоровья раненого поэта.

В письме жене в Полотняный Завод в июне Пушкин пишет, что не может быть на Петергофском празднике в честь императрицы из-за болезни. «Я крепко думаю об отставке», - добавляет он. Но, вероятно, смущенный неожиданным согласием царя на его прошение об отставке и в этом случае запрете работать в архиве, Пушкин взял прошение назад, не решился при таком положении дел манкировать служебными обязанностями и явился на праздник, как полагается по этикету, в камер-юнкерском мундире. И уж, конечно, настроение у него было невеселое. Вот как об этом рассказывает В.В. Ленц – воспитанник Дерптского и Петербургского университетов, пианист, музыкальный критик, в своих воспоминаниях «Приключение лифляндца в Петербурге»: «весь двор длинной вереницей линейек совершал процессию. На одном из диванов на колесах (так он называет линейки) я увидел Пушкина, смотревшего угрюмо. Он только что получил звание камер-юнкера. Кроме членов двора, никто не имел права на место в линейках. Может быть, ему не нравилось это». Конечно, не нравилось. Наверное, Пушкин чувствовал в это время, как тяжел для него камер-юнкерский мундир.

Об этом тяжелом для Пушкина дне вспоминал и В.А. Соллогуб, который понял состояние поэта: «Пушкина я видел в мундире только однажды, на петергофском празднике. Он ехал в придворной линейке, в придворной свите. Известная его несколько потертая альмавива драпировалась по камер-юнкерскому мундиру с галунами. Из-под треугольной его шляпы лицо его казалось скорбным, суровым и бледным. Его видели десятки тысяч народа не в славе первого народного поэта, а в разряде начинающих царедворцев».

Альмавива – очень широкий плащ (от имени графа Альмавива, героя комедий Бомарше).

Вероятно, стесняясь своего мундира, Пушкин старался прикрыть его плащом.

25 августа, за пять дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, «моими товарищами», как записал Пушкин в своем дневнике, и опять и принародно не быть в мундире, он уезжает из Петербурга в Полотняный Завод, где пробыл недолго.

По дороге в Болдино в сентябре, Пушкин останавливался в Москве, где он «отвел душу», слушал любимых цыган.

Писатель П.К. Мартыанов вспоминал о том, как он совсем мальчиком встретился с Пушкиным в это время возле Глазовского трактира в Москве, в Грузинах, где Пушкин с приятелями слушал хор цыган. Мартыанов пишет: узнав, что поэт в трактире, они с двумя приятелями решили на него посмотреть и с часов 11 ночи стали дожидаться, когда он выйдет. Им пришлось ждать почти два часа, переозябнув, хотели идти домой, но вдруг «на лестнице показался брюнет невысокого роста, с небольшими баками, в шинели с капюшоном и шляпой на голове. Вышедший господин спустился с крыльца и пошел вглубь двора. У перил, окаймлявших берег пруда, стал смотреть на отражавшуюся в воде луну, деревья и строения». Это и был Пушкин.

В декабре 1834 года Пушкин и Наталья Николаевна снова были приглашены на бал в Аничков дворец. Пушкин должен был быть в камер-юнкерском мундире. На лестнице их встретила старая графиня Бобринская (оказалось, что Пушкин опять оплошал). Она заметила, что у Пушкина шляпа не по этикету – треугольная с плюмажем, а в Аничкове должна быть круглая. Граф Бобринский (сын графини) тоже это заметил и велел принести Пушкину круглую. Пушкину «дали такую засаленную помадой», что его перчатки промокли и пожелтели.

Надеюсь, эту шляпу на балу нужно было только держать в руках и не надевать на голову. Но, несмотря на эту неприятность (и опять из-за своего камер-юнкерского мундира), бал Пушкину понравился.

В 1836 году в стихотворении Д.В. Давыдову при посылке ему «Истории Пугачевского бунта», Пушкин упоминает другой свой мундир:

«Наездник мирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир».

Так Пушкин «гардеробным» языком сказал о своем поприще поэта.

На «Панораме Невского проспекта» – парадном и в тоже время точном портрете улицы, выполненном в 1835 году П.Ивановым с оригинала В.С. Садовникова, мы видим Пушкина (размер фигурки 2 см) в длинной бекеше в талию по моде 1830-х годов, и в очень высоком цилиндре.

Здесь Пушкин помещен как одна из драгоценных достопримечательностей города. Он переходит проспект около здания Голландской церкви, где бывал на выставках общества поощрения художников и в магазине французской книги Ф.М. Беллизара.

Осталось воспоминание (предположительно 1836 года) петербургского чиновника, мемуариста И.М. Колмакова: «Невский проспект... Франты всех оттенков и просто в длиннополых бекешах и шинелях с несколькими воротниками и в альмавиво с закинутою полою с одного плеча на другое поражали всех своею наружностью. В числе гулявшей публики почасту можно было заметить и Александра Сергеевича Пушкина, но он, останавливая и привлекая на себя взоры всех и каждого, не поражал своим костюмом, напротив, шляпа его не отличалась новизною, а длинная бекеша его, покрывавшая стан, тоже была старенькая. Я не погрешу перед потомством, если скажу, что на его бекеше сзади на талии не доставало одной пуговки. Отсутствие этой пуговки меня каждый раз смущало, когда я встречал Александра Сергеевича, и видел это ясно, что около него не было ухода».

Бекешь, бекеша – верхняя мужская одежда на меху, и в талию, со сборками.

Очень грустно читать эти слова, но может, мемуарист, слишком сгущает краски? Хотя известны воспоминания журналиста Н.И. Тарасенко-Отрешкова (человека, правда, не совсем честного), что в последние годы своей жизни замечалось «невнимание Пушкина к своему платью и его покрою на больших балах».

Один из последних прижизненных портретов А.С. Пушкина – акварельный портрет П.Ф. Соколова, выполненный в 1836 году. На нем художник изобразил поэта сидящим на стуле в его любимой позе со скрещенными на груди руками. На нем наглухо застегнутый коричневый сюртук и коричнево-вишневый жилет. Судя по прямой посадке, напряженному повороту головы, нарядной одежде, портрет носит светский характер. Таким Пушкин мог выглядеть на вечерах в салонах и гостиных. Соколов никогда не приукрашивал модель, но всегда умел найти и показать привлекательные свойства внутреннего облика человека. Художник и на портрете Пушкина показал нам человека с лицом умным, несущим печать борения страстей, усталости, задушевности и грусти.

Пушкин сам заказал свой портрет для готовившегося собрания сочинений английскому художнику Т. Райту, работавшему в это время в России. Подготовительный рисунок Райта с натуры (конец 1836 года) не сохранился. Гравюра же им была выполнена вскоре после смерти поэта (март 1837 года).

Оттиснутая небольшим тиражом, она продавалась по пять рублей за лист.

Перед Райтом стояла задача дать читателю представительный портрет великого русского поэта. Под изображением художник воспроизвел факсимиле подписи А.С. Пушкина. Лицо поэта очень значительно, выражение его серьезно, сдержано, сухо. Одежда его строга (застегнутый светлый сюртук, черный узел галстука на белом фоне манишки и воротника). Художник сумел передать одну важную черту, отмеченную И.Е. Репиным в этом портрете: «Обратите внимание, что в наружности Пушкина отметит англичанин. Голова общественного человека, лоб мыслителя. Виден государственный ум».

В 1836 году Пушкин закончил роман «Капитанская дочка», который и был напечатан в ноябре этого года в журнале «Современник» (замысел романа относится к 1833 году). В этом романе, как нигде, одежда играла огромную роль, ведь взамен подаренного Гриневым Пугачеву заячьего тулупчика, Пугачев ни много, ни мало, подарил Гриневу жизнь! При описании внешности Пугачева одежда его тоже играла не последнюю роль. При первой встрече в степи в буран Пугачев был одет в рваный «худенький армяк и татарские шаровары». Раньше у него имелся и тулуп, но, как он сам признался, «заложил его у целовальника», то есть попросту пропил в кабаке. Вот из-за того, что, несмотря на зимние холода, он был одет «слишком легко» Петруша Гринев «пожалел бродягу» и решил отблагодарить его чем-нибудь из своего платья, хотя бы заячьим тулупом (ведь у него оставалась еще просторная лисья шуба, из тулупчика он уже вырос). И, несмотря на бурные протесты Савельича, он отдал тулупчик бродяге, а как сказал вожатый – Пугачев, пожаловал «шубу со своего плеча».

И, несмотря на то, что тулупчик был мал ему и трещал по швам, когда Пугачев умудрился надеть его, а «Савельич чуть не завыл при этом», бродяга был чрезвычайно доволен подарком и при прощании сказал Гриневу: «Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». И не забыл, наградил сам.

При второй встрече Гринева с Пугачевым уже в захваченной его сторонниками Белогорской крепости, вид у Пугачева, наверное, по его понятиям, был просто «царский». Он сидел в кресле на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. И Пугачев по-царски расплатился с Гриневым: взмахом руки отменил его казнь. А потом подарил башкирскую лошадь и овчинный тулуп – «шубу со своего плеча». И капитанской дочке Маше Мироновой, любимой Гринева, он тоже спас жизнь. Удивляться не приходится тому, что мятежники так легко овладели Белогорской крепостью: была видна ее плохая обороноспособность, как, очевидно, и других крепостей на восточных окраинах России, в том числе и самого Оренбурга. В «Капитанской дочке» это ясно видно. И даже убогая одежда гарнизона говорит об этом: старые заплатанные мундиры на старых инвалидах, ее комендант – честный и верный присяге капитан Миронов - проводил учения в колпаке и катаячком халате, да и генерал в Оренбурге был одет в старый полинялый мундир, как будто времен Анны Иоановны.

Конечно, это не помешало Миронову честно выполнять свой долг русского офицера. Готовясь к бою с мятежниками, он подумал о своей дочери и, понимая, что Маше, одетой в дворянское платье, во взятой мятежниками крепости живой не быть, велел жене переодеть дочь в крестьянский сарафан. Комендант на очень короткое время уступил место отцу.

В ноябре 1836 года, когда был напечатан роман «Капитанская дочка», для Пушкина настали очень тяжелые времена. Как вспоминали друзья Пушкина, с ноября 1836 года до самой дуэли поэт часто был в подавленном или в возбужденном, каком-то напряженно-лихорадочном состоянии. Вот и В.П. Бурнашев – писатель и журналист, в своих воспоминаниях писал об этом: «4 декабря 1836 года у Греча, на именинах его жены, Пушкин, как заметили многие, был не в своей тарелке, на его впечатлительном лице отражалась мрачная задумчивость. Пробыв у Греча с полчаса, Пушкин удалился. Греч сам проводил его в прихожую, где лакей Пушкина подал ему медвежью шубу и на ноги надел меховые сапоги. «Все словно бьет лихорадка, - говорил Пушкин, закутываясь, - все как-то холодно, и не могу согреться, а порой вдруг невыносимо жарко. Нездоровится что-то».

За несколько дней до дуэли Пушкин явился к В.И.Далю в новом, только что сшитом сюртуке. Поворачиваясь перед зеркалом, сказал Далю лукаво: «Эту выползину я не скоро сброшу». Понравившееся поэту словцо услышано было от Даля, ему и возвращалось. Сюртук этот Пушкин действительно не снял – в нем он стрелялся и со смертельно раненого поэта его спорили.

Выползина (из словаря В.И. Даля) – шкурка насекомого или гада, из которой животное выползало, покинув ее, как делают гусенички, змеи.

В день дуэли утром Пушкин как всегда работал, как всегда дома он надел свой любимый архалук, красный в зеленую клетку. Перед отъездом на Черную речку начал одеваться, весь вымылся, надел все чистое, велел подать жилет и новый сюртук. Сначала оделся в бекешу, вышел на лестницу, возвратился, велел подать свою большую медвежью шубу, в нее же закутался на месте дуэли, ожидая начала поединка (на основании конспективных заметок В.А. Жуковского о гибели Пушкина).

Когда раненого Пушкина внесли в его кабинет, слуги помогали ему переодеться, одежду подрезали ножницами, чтобы, снимая, не причинить ему боли. Белье надели новое.

На портрете А.С. Пушкина, выполненном И.Л. Линевым (1836 или 1837 год), мы видим трагическую маску мертвенно-желтого неподвижного лица: отрешенность, растерянность, и отсутствие одухотворенности. Вот уж подлинно «потух огонь на алтаре». Глухой

оливково-черный фон, темно-коричневый сюртук, темно-каштановые волосы, ненатурально желтое, как будто освещенное свечой лицо. Глаза карие, а не пушкинские – голубые.

Увидел ли художник Пушкина в одну из самых горьких минут его жизни? Или изобразил его таким с натуры, но уже лежащим в гробу, потрясенный случившимся? Мы не знаем этого. Современники поэта не сохранили для нас никаких сведений о портрете.

В.П. Бурнашев, писатель и журналист, запомнил лежащего Пушкина: «Мы нашли темно-фиолетовый бархатный гроб с телом Пушкина в полутемной комнате, освещенной только красноватым мерцающим огнем от нескольких десятков восковых церковных свечей. Лицо покойника было необыкновенно спокойно и очень серьезно, но мрачно. Великолепные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушке, а густые бакенбарды окаймляли впалые щеки до подбородка, выступая из-под высоко завязанного черного широкого галстука. На Пушкине был любимые его темно-коричневый сюртук, каким я видел его в последний раз в ноябре 1826 года на одном из вечеров».

Черный жилет тонкого сукна, зашитый сбоку белыми нитками. Видимо слуги, перед тем как отдать жилет П.А. Вяземскому, старались привести его в порядок. Жилет хранился в Остафьеве, имении Вяземских под Москвой. Была заказана особая витрина-футляр, через жилет продернута тесьма, скрепленная печатью Вяземских, чтоб никто не мог вынуть жилет из футляра. Рядом – белая перчатка,

парная той, которую Вяземский положил в гроб. Сейчас эта витрина, наверное, самый ценный экспонат музея-квартиры А.С. Пушкина на Мойке в Санкт-Петербурге.

Слова В.И. Даля: «Мне досталась от В.А. Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить его в гроб. Это черный сюртук с небольшою, с ноготок, дырочкою против правого паха. Над этим можно призадуматься. Сюртук этот должно беречь и для потомства, не знаю еще как это сделать, в частных руках может затеряться, а у нас некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохранение». Поздняя приписка В.И. Даля: «Я подарил его М.П. Погодину».

В 1858 году, возвращаясь из Сибирской ссылки после амнистии, И.И. Пущин приезжал в Нижний Новгород и встречался с В.И. Далем, в то время служившим там. Конечно, говорили о Пушкине, о последних днях его жизни. И Даль показал Пущину этот сюртук, и говорил, что хочет передать его в дар Академии Наук или Публичной библиотеке, и очень беспокоился о сохранности сюртука. У М.П. Погодина этот сюртук пропал.

Письмо Н.Н. Пушкиной 6 апреля 1837 года П.В. Нащокину в Москву: «Простите, что я так запоздала передать вам вещи, которые принадлежали одному из самых преданных вам друзей. Я думаю, вам приятно будет иметь архалук, который был на нем в день несчастной дуэли». В этом архалуке изображен Пушкин на посмертном портрете 1839 года.

Интересный документальностью аксессуаров, – рукописей, мебели, одежды и позы модели, - он написан маслом шведским художником Карлом Мазером. Выполнен по заказу близкого друга поэта – П.В. Нащокина. Мазер неоднократно бывал у вдовы Пушкина Натальи Николаевны в Петербурге, где видел и, вероятно, зарисовал натурные портреты поэта, его личные вещи. Художнику позировал в качестве живой модели П.В. Нащокин, надев пушкинский архалук, поэтому на портрете художник невольно придал лицу поэта черты Нащокина.

В ответ на просьбу Погодина передать ему вещи Пушкина, Нащокин сообщал (вероятно, в 1844 году): «Вещи Пушкина я с удовольствием вам доставлю, но их у меня осталось очень немного, недавно у меня жил мальчик, который всего меня обокрал, в том числе и архалук Пушкина, который один и найден, но еще мне не возвращен». Скорее всего, возвращен он не был и дальнейшая судьба архалука Пушкина неизвестна, он пропал.

Только П.А. Вяземский сумел сохранить пушкинский жилет – всего одну вещь из одежды поэта.

В конце этой работы можно сделать вывод, что Пушкин в отношении своей одежды не был, как его друг Петр Яковлевич Чаадаев или герой его романа Евгений Онегин ни франтом, ни педантом, ни денди. Но он любил и старался, когда позволяли средства, быть одетым модно и красиво. Его небрежность в одежде была только кажущейся. Будучи очень молодым, он мог, конечно, не в Петербурге, своими необычными костюмами удивлять, поражать и даже шокировать современников. Будучи семейным человеком, по-моему, он старался меньше тратить денег на свою одежду, но радовался редким обновкам.

Приведенные в этом исследовании портреты и автопортреты, по-моему, уточняют наше представление о внешнем виде, костюмах поэта в разные периоды его жизни.

Описания одежды героев и персонажей в своих произведениях Пушкину нужны были для создания их внешнего облика, принадлежности их к определенному времени, обществу, а также иногда, чтоб показать отношение автора к ним. Из этого исследования,

узнав об одежде Пушкина и об одежде героев его произведений, можно получить немного сведений о моде их времени, о костюмах и материалах, из которых их шили, сейчас уже забытых и незнакомых современным людям.

Список использованной литературы:

1. Боголепов П.К. Тропа к Пушкину : Книга – справочник о жизни и творчестве А.С. Пушкина / П.К. Боголепов ; под. общ. ред. С.М. Бонди, Ю.Г. Русаковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Дет. лит., 1974. – 543 с.
2. Вересаев В.В. Пушкин в жизни : Систематический свод подлинных свидетельств современников : В 2 т. / В.В. Вересаев. – СПб. : Лениздат, 1995. – 2 т.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современное написание / В.И. Даль. – М. : АСТ: Астрель, 2001. – 759 с.
4. Кирсанова Р.М. Розовая канарейка и драдедамовый платок : Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века / Р.М. Кирсанова ; худож. Ю.В. Игнатъев. – М. : Книга, 1989. – 286 с.
5. Лотман Ю.М. Пушкин : Биография писателя / Ю.М. Лотман ; вступ. ст. Б.Ф. Егорова. – СПб. : Искусство-СПб., 1995. – 847 с.
6. Марченко Н. Приметы милой старины : Нравы и быт пушкинской эпохи / Н. Марченко ; худож. М. Горбатов. – М. : Изограф, ЭКСМО-Пресс, 2002. – 368 с.
7. Музей-квартира А.С. Пушкина на Мойке / сост. и автор текста Н.И. Попова. – М. : Сов. Россия, 1989. – 127 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под. ред. Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд. – М. : Азъ, 1993. – 956 с.
9. Петербургские встречи Пушкина / сост. Л.Е. Кошелева. – Л. : Лениздат, 1987. – 478 с.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 9 т. / А.С. Пушкин. – М. : Правда, 1954. – 9 т. – (Библиотека «Огонек»)
11. Пушкин А.С. Сочинения : В 3 т. / А.С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1985. – 3 т.
12. Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. / сост. и примеч. В.Э. Вацура, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович. – М. : Худож. лит., 1985. – 2 т.
13. Пушкин А.С. Дневники. Автобиографическая проза / А.С. Пушкин ; сост., подгот. текста и вступ. ст. С.А. Фомичева. – М. : Сов. Россия, 1989. – 384 с. – (Русские дневники)
14. Пушкинская энциклопедия : 1799 – 1999. – М. : АСТ: Астрель, 1999. – 808 с.
15. Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма / И.И. Пущин. – М. : Худож. лит., 1988. – 559 с.
16. Тыркова-Вильямс А.В. А.С. Пушкин : В 2 т. / А.В. Тыркова-Вильямс. – М. : Мол. гвардия, 2007. – 2 т. – (Жизнь замечательных людей)
17. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина / Т.Г. Цявловская. – М. : Искусство, 1980. – 446 с.